

ХЭНСОН БОЛДУИН

СРАЖЕНИЯ ВЫИГРАННЫЕ И ПРОИГРАННЫЕ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КРУПНЫЕ ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ

ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война (Центрполиграф)

Хэнсон Болдуин

**Сражения выигранные и
проигранные. Новый взгляд
на крупные военные кампании
Второй мировой войны**

«Центрполиграф»

1966

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

Болдуин Х.

Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны / Х. Болдуин — «Центрполиграф», 1966 — (Вторая мировая война (Центрполиграф))

ISBN 978-5-9524-5564-1

Хэнсон Болдуин был в годы Второй мировой войны военным редактором газеты «Нью – Йорк тайме», сам участвовал в сражениях и собрал о них большой фактический материал. В книге рассказывается о малоизвестных русскому читателю сражениях за Крит, Коррехидор, Тараву, в заливе Лейте, а также о битвах за Сталинград и высадке союзников в Нормандии. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-9524-5564-1

© Болдуин Х., 1966
© Центрполиграф, 1966

Содержание

Вступление	6
Глава 1	8
Хроника	12
Последний день мира – 31 августа	15
Глава 2	33
Начальная фаза	39
Нападение	43
Кризис	45
Ретроспектива	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Хэнсон Болдуин
Сражения выигранные и проигранные.
Новый взгляд на крупные военные
кампании Второй мировой войны

HANSON BALDWIN
BATTLES
LOST
AND WON

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Вступление

План книги

Каждое поколение людей слышало барабанный бой войны, нарушавший мирное течение жизни. Сражения человека с человеком, племени с племенем, сражения между деревнями, городами, государствами и нациями, которые, обычно не задумываясь, считают аномальным или не соответствующим нормам человеческого поведения, исторически являлись нормой.

Масштаб войны – вот что изменилось с того времени, когда оружием воинов были копья и луки. В политическом плане рост национальных государств с огромной экономической и промышленной мощью, а в техническом плане – революция второй половины века, которая соединила континенты и океаны и произвела на свет оружие катастрофической мощности, перекинули современную войну на обширные территории.

Современная война – тотальная; ни один уголок мира не сможет остаться в стороне от нее; миллионы маршируют под ее знаменами.

Вторая мировая война с ее 40 миллионами погибших по настоящее время – крупнейший конфликт в человеческой истории.

Подобно всем войнам, она преподнесла участвовавшим в ней сторонам великие победы и великие поражения; проигранные и выигранные сражения; переломные моменты; блестящие планы и утерянные возможности; тактические успехи и технические неудачи своих великих лидеров и тех, которых судили или объявили в розыск; свои ужасы и свой героизм; свою человеческую драму.

И все же Вторая мировая война уже уходит в прошлое. Несколько поколений сейчас знают о ней не по личному опыту, а только как о темной и опасной, но волнующей грозовой туче над мрачным прошлым. Для тех, кто родился после Второй мировой войны, герои и злодеи – привычные персонажи тех великих лет – живут лишь как призраки, полузабытые фигуры истории.

Вторая мировая война – это имена, даты и сражения, прилив истории, достигающий силы потопа. И все же это была человеческая история, персонифицированный ход событий, история десятков миллионов, которые сражались или служили, которые побеждали или проигрывали.

Военную историю часто пишут или читают просто как хронологию или повествование о тактических действиях, не уделяя должного внимания человеческой драме. Война – величайшая трагедия, поставленная на сцене человеком. В ее масштабах громадности отдельные трагедии, которые составляют целое, легко могут затеряться.

Военная история и драма вполне совместимы. Фактически они неразделимы. Одна без другой будет неполной. Эта концепция явилась основной при написании книги. Была сделана попытка представить не только фактические события Второй мировой войны, но и человеческую драму, сделать историю читаемой, интересной, жизненной и точной.

Одиннадцать выбранных сражений выявляют срез величайшей для мира войны – от Польской кампании, в которой родился «блицкриг», до Окинавы, «последнего сражения», в котором камикадзе предвосхитили надвигающуюся ракетную угрозу. В некоторых главах преднамеренно делается ударение на конкретных аспектах сражения, от которых все зависело, – например война самолетов против кораблей на Окинаве, в то время как в большинстве работ делается попытка дать общее представление о кампании. Каждое сражение фактически было больше, чем просто сражение, настолько обширным по времени и пространству (некоторые в большей степени, чем другие) и включало в себя так много эпизодов борьбы, что все они выходили за рамки старого значения слова «сражение» и были, по существу, кампаниями. Однако

каждая представляла собой единое целое. Многие из них стали переломными, на некоторые опирались веса истории.

Несмотря на то что книга рассчитана на широкий круг читателей, автор надеется, что в ней содержатся факты и мнения, которые будут интересны военным специалистам и студентам.

Собственно, она и была написана с этой целью.

В каждой главе описаны события одного сражения; в каждой приводятся уроки конфликта, подведены итоги и сделаны попытки определить значение каждой кампании в войне и истории.

Все описания сопровождаются подробными примечаниями и библиографическими ссылками, которые дадут заинтересованному читателю много дополнительной информации. Таким образом, главы строятся по следующему плану: 1) повествование о ходе сражения, 2) результаты сражения, 3) критика сражения и 4) дополнительные примечания и справочная информация о каждой кампании в частности и о Второй мировой войне в целом.

Таким образом, каждая глава – самостоятельна, но в то же время и дополняет другую. Все вместе они образуют панорамное описание Второй мировой войны.

Несомненно, что в любой работе такого объема могут быть ошибки, тем более что написание военной истории не претендует на точность. Поле битвы быстро зарастает... Было сделано все, чтобы избежать ошибок. Эта книга во многом опирается на широкий круг работ, в частности на тщательно подготовленные официальные исторические труды. Почти все главы были прочитаны и выверены специалистами, хорошо разбирающимися в приведенных в книге военных кампаниях. Но оставшиеся ошибки, а также сделанные выводы и суждения принадлежат только мне одному.

Следует помнить, что допущенные в ходе кампаний оплошности, характеристики, суждения, которые сегодня кажутся совершенно очевидными, несколько десятилетий тому назад, во времена «ада войны», таковыми совсем не казались.

Данная книга является попыткой свести вместе эмоциональную и драматическую непосредственность многих реальных моментов войны с ретроспективными знаниями и опытом последующих лет.

Для меня этот труд является выражением любви к моей семье, которая сопереживала и страдала вместе со мной при работе над описанием этих кампаний, а также моей личной данью воюющим людям мира – в частности солдатам, морякам, морским пехотинцам и летчикам Соединенных Штатов, которые во Второй мировой войне достигали вершин славы и опускались в бездну поражений.

Хэнсон У. Болдуин

Глава 1

«Мы хотим войны!» Начало – польская кампания 1 сентября – 6 октября 1939 г

*«...Мы хотим войны!»
Иоахим фон Риббентроп, 11 августа 1939 г.*

*«Наши враги – маленькие черви... Не пускайте жалость в свои сердца! Будьте жестокими! <...> Прав тот, кто сильнее!»
Адольф Гитлер, 22 августа 1939 г. [1].*

Доктриной Бисмарка были кровь и железо, но Вторая мировая война, начавшаяся 25 лет тому назад, имела еще одну составляющую – циничную жестокость, которая шокировала бы даже «железного канцлера».

Ночью 31 августа 1939 года – в последний мирный день того времени – Ганс-Вальтер Цех-Неннвич и его приятели по германскому «хоровому обществу» отбросили свою фальшивую личину в вольном городе Данциге, скинули свою гражданскую одежду и напялили сапоги и форму нацистских СС (элитная гвардия).

И около восьми часов вечера возле небольшого города Глейвиц в германской Силезии близ границы с Польшей группа возбужденных мужчин внезапно вторглась на местную радиостанцию, застрелила двух немецких служащих, захватила передатчик, запустила в эфир агрессивную речь на польском языке и быстро скрылась в направлении границы, оставив у входа в радиостанцию умирающего и изрешеченного пулями человека, имя которого, может быть, никогда не станет известным.

Альфред Гельмут Науджокс, сын кильского бакалейщика, член СС, возглавлял налетчиков во время инцидента в Глейвице – подстроенного нападения на немецкий пограничный город, которое было организовано с тем, чтобы дать Гитлеру повод для начала войны против Польши. Эта инсценированная «польская провокация» была подкреплена истекающим кровью телом одного из людей Науджокса, вероятно случайно подстреленного и погибшего и названного позже польским налетчиком [2].

Глейвиц – один из нескольких инсценированных инцидентов на границе – последняя ступенька, с которой Адольф Гитлер начал Вторую мировую войну. Жребий брошен: войска двигались, когда фразы на польском языке вырывались из глейвицкого передатчика. Инцидент был просто закамуфлированным и отлакированным обманом – уступкой Гитлера для оправдания перед историей.

Гнойник Второй мировой войны назревал уже четверть века, уходя корнями в пепелища Европы, опустошенной Первой мировой войной.

Поражение центральных держав и Версальский договор, сделавший акцент на самоопределение наций, изменили карту Европы. Эльзас и Лотарингия были возвращены Франции. Польский коридор, вырезанный из того, что было Германией, дал Варшаве доступ к Балтийскому морю и отделил Восточную Пруссию от Берлина. Данциг был объявлен вольным городом под управлением Лиги Наций с ее верховным комиссаром, однако, несмотря на немецкое насе-

ление, с польским контролем над таможенной и иностранными делами. Семена ирредентизма¹ были посеяны, когда стволы пушек еще не остыли.

Смелый новый мир, сохраненный для демократии, как стало очевидно, скорее был тем же, но подлатанным старым миром. Вашингтон не поддержал точку зрения президента военного времени Вудро Вильсона о присоединении к Лиге Наций, а Европа начала вариться в горьком соку опустошения, крушения иллюзий и депрессии [3].

Краткосрочный демократический эксперимент Германии – Веймарская республика – сопровождался множеством проблем.

Его определяли сильные и влиятельные националисты с выдуманными легендами, которые служили оправданием поражений немецких армий и проигрыша в Первой мировой войне. Большая часть населения Германии винила правительство недолговременной республики за подписание Версальского договора, за насаждение в их стране психологии вины за войну, за «сдачу» Эльзаса – Лотарингии, большей части Пруссии и части Силезии, за принятие на себя обязательства по расшатывающим экономику репарациям и за сокращение немецкой армии и флота, некогда бывших предметом гордости, до 100-тысячных полицейских сил без танков и самолетов и 15-тысячных патрульных береговых сил.

За стремительной инфляцией и зарождающейся анархией через несколько лет последовала безработица – результат всемирной депрессии, которая началась в 1929 году. Экстремисты левого и правого толка – коммунисты и коричневые – воевали на улицах за превосходство, а в 1933 году к власти пришел Адольф Гитлер, что ознаменовало начало одного из самых темных периодов в современной истории человечества.

С самого начала Гитлер был привержен идее превосходства главенствующей расы, экспансионизма, проводимого путем хитрости, обмана и диктатуры. Он открыто перевооружился и в 1936 году двинул свои вооруженные силы в Рейнскую область, несмотря на ограничения, предусмотренные Версальским договором. Он публично успокоил своих потенциальных врагов, обработав их по отдельности, подписал с Польшей пакт о ненападении, чтобы освободить себе руки и заняться Чехословакией и Австрией. И приступил к возведению Западного вала – укрепленной зоны против Франции и Бельгии.

Париж и Лондон вели себя двусмысленно, колебались, но ничего не предпринимали; Соединенные Штаты были полностью заняты собственными экономическими проблемами и социальной революцией, возглавляемой Рузвельтом. А Лига Наций оказалась дискуссионным клубом, который был не способен остановить или хотя бы повлиять на Муссолини, оккупировавшего Эфиопию.

Германская методика завоеваний включала в себя экономические бартерные сделки, политическую инфильтрацию, психологический террор и гитлеровский рецепт репрессий – концентрационные лагеря, нюрнбергские марши, эмоциональное бичевание и «большая ложь» нацистского министра пропаганды Геббельса. Нацистская «пятая колонна», порожденная этими методами, и квислинги, или предатели – Сейс-Инкварт в Австрии, Конрад Хенляйн в Судетской области, Иозеф Тизо в Словакии и Викдун Квислинг (от имени которого произошло название подобных людей) в Норвегии [4] были марионетками нацистской Германии.

1938 год стал свидетелем обернувшегося потоком прилива Третьего рейха Адольфа Гитлера, который должен был просуществовать тысячу лет. Германские танки двинулись в Австрию, Гитлер угрожал войной Чехословакии. В спешке, на конференции, название которой сейчас навсегда стало синонимом сговора, лидеры Европы собрались в Мюнхене, чтобы исключить из своих рядов Чехословакию, страну, которая даже не была никем представлена на кон-

---

¹ Ирредентизм – политическое и общественное движение в Италии в начале XX в. за присоединение к Италии пограничных земель Австро-Венгрии с итальянским населением. Использовался империалистической буржуазией для оправдания территориальных притязаний. (Примеч. ред.)

ференции [5]. Гитлер получил Судетскую область и чешские укрепления, а Польша и Венгрия, как стервятники, отрывали куски умирающего разделенного государства. Лондон и Париж возгласами облегчения приветствовали мюнхенские соглашения, как «достижение мира в наше неспокойное время».

Еще до истечения этого года Гитлер высматривал новые горизонты. Иоахим фон Риббентроп – нацистский министр иностранных дел, работающий на своего хозяина, – предложил Варшаве вернуть Данциг Германии.

Таким образом определилась арена действий.

Год «страшного суда» – 1939 – начался с медного голоса пропаганды, слышного во всем мире. Гитлер настаивал на возвращении Данцига и на контроле Германии над 15-мильной соединительной полосой через Польский коридор. Резкие обвинения и ответные нападки эхом отозвались из Коридора и с германо – польской границы; в вольном городе Данциге нацисты агитировали и выступали с речами. В середине марта то, что оставалось от Чехословакии, прекратило существование как суверенное государство. Немецкие войска двинулись в Богемию, Моравию и Словакию. Польша теперь была охвачена флангом с юга, а также с севера. Неделей позже Литва под железным кулаком нацистской мощи оставила Гитлеру Мемельскую область – бывшую территорию Германии. Даже Румыния, которая вместе с Польшей и исчезнувшей Чехословакией была союзником Франции, подписала соглашение с Берлином, обещая Германии большую часть своей добываемой нефти. А 28 марта завершилась длительная осада Мадрида, и силы Франсиско Франко с помощью немцев и итальянцев одержали победу в гражданской войне в Испании.

Однако теперь с Лондона наконец упали шоры. Студенты, которые дали оксфордскую клятву никогда больше не идти на войну, а также наблюдатели и интеллектуалы, которые спрашивали: «Кто хочет умереть за Данциг?» – почти замолкли вместе с политиками стовора и Кливденской кликой [6].

Поглощение Гитлером Чехословакии с ее преобладающим немецким населением зашло намного дальше его объявленной цели – устранения несправедливости Версальского договора. Даже Чемберлен теперь смотрел на Чехословакию и Польшу не как на отдаленные территории, за которые ни один англичанин не должен проливать свою кровь, а как на символы ненасытного аппетита Гитлера при завоевании мира. В последний день марта 1939 года британский премьер-министр заявил в палате общин, что в случае нападения на Польшу Англия и Франция будут «чувствовать себя обязанными сразу предоставить всю возможную помощь польскому правительству» [7].

Британия при согласии Франции распростерла мантию своей моральной поддержки на Грецию и Румынию и вместе с Францией и Турцией подписала формальные соглашения о взаимной помощи в районе Средиземного моря.

Гитлер был в ярости («Я приготовлю им тушенку, – заявил он, – которой они подавятся» [8]). В Берлине стало очевидно, что Польшу нельзя запугать. Варшава призвала резервистов после триумфального вступления Гитлера в Мемель, а польский министр иностранных дел Бек на угрозы Риббентропа отвечал подобным же образом.

В начале апреля напыщенный Муссолини, подражая давно умершим цезарям и ревностно относившийся к германской мощи, направил свои легионы в Албанию в поисках быстрого и легкого завоевания.

Неизвестный миру Гитлер дал устные распоряжения своим военачальникам готовиться к войне с Польшей к концу августа, а 3 апреля последовали письменные приказы – часть директивы о военной подготовке вооруженных сил на 1939–1940 годы, – предназначенные для верховного командования вермахта.

В «Белом плане» с грифом «совершенно секретно», подготовленном самим Гитлером, указывалось, что «нынешнее отношение Польши требует <...> начала военной подготовки с целью навсегда устранить, при необходимости, угрозу с этой стороны... Приготовления должны быть сделаны так, чтобы операцию можно было осуществить в любое время, начиная с 1 сентября 1939 года» [9].

В конце апреля Гитлер аннулировал польско – германский пакт о ненападении от 1934 года и одновременно отказался от англо – германского морского соглашения 1935 года, которое ограничивало тоннаж германского флота 35 процентами от британского.

Летом 1939 года война уже стала неизбежной.

Хроника

Директивы группе армий «Север» и группе армий «Юг», на которые возлагалось нападение на Польшу, были отданы в мае; в июне восьми дивизиям было предписано идти к польской границе для создания «полевых укреплений», и в течение лета они превратились из мирной силы в военную [10].

22 мая фашистская «Ось» Рим – Берлин была укреплена с помощью так называемого «Стального пакта»: фюрер и дуче заключили военный альянс.

Лидеры Венгрии, Югославии и Болгарии приехали в Берлин выразить почтение Гитлеру; каждого из них приветствовали демонстрацией военной мощи Германии. Германские вооруженные силы казались «внушительными», хотя и несколько преувеличенными [11]. Армия была, вероятно, самой обученной и самой вооруженной в Европе; военно-воздушные силы – самыми современными, хотя и не такими крупными, как об этом говорилось в то время; военно-морские силы не были значительными, разве что включали в себя 57 подводных лодок.

Британия и Франция не без колебаний оказали давление на Польшу с целью добиться компромисса в вопросе о Польском коридоре и направили посланников в Москву в попытке создать общий фронт против Гитлера. Однако германский диктатор мог предложить больше, а Сталин, очевидно, хотел избежать войны.

Милитаризованный германский «фрайкорпус» вторгся в Данциг. Германский гауляйтер Альберт Форстер открыто заявил о своем намерении присоединить свободный город к гитлеровскому рейху.

Беспорядки усиливались; администрация Лиги Наций фактически прекратила свою деятельность. Ситуация вокруг Польского коридора стала напряженной.

Концентрация вооруженных сил Германии, закамуфлированная под маневры, наблюдалась в августе в Восточной Пруссии и вблизи Польского коридора.

Граф Галеаццо Чиано, министр иностранных дел Италии и зять Муссолини, отметил 12 августа в своем дневнике: «Гитлер очень сердечный человек, но слишком неумолимый в своем решении. <...> Я сразу понял, что больше ничего сделать нельзя. Он решил нанести удар, и он хочет этого... великая война должна быть проведена, пока он и дуче еще молоды» [12].

Генерал Франц Гальдер, глава генерального штаба германской армии, записал в своем дневнике 14 августа: «Гитлер верит в то, что Англия и Франция не хотят воевать. <...> Люди, которых я встретил в Мюнхене, не начнут новую мировую войну». А 15 августа заместитель германского госсекретаря повторил мысль своего начальника: «В частности, Чемберлен и Галифакс (британский министр иностранных дел) хотят избежать кровопролития, Америка заметно сдержанна» [13].

17 августа вермахту был отдан приказ снабдить Рейнгардта Гейдриха, заместителя Генриха Гимmlера, польской военной формой. Цель – «видимость нападения... организованного Гимmlером... на Глейвиц» [14].

21 августа малый линейный корабль «Граф Шпее» вышел из своей строго охраняемой гавани и направился в Южную Атлантику с приказом нападать, после начала войны, на корабли союзных сил.

22 августа Гитлер провел конференцию в Оберзальцберге (путанный монолог, длившийся несколько часов) с главами служб. «Настало время, – сказал он, – разрешить противоречия с Польшей посредством войны и испытать новую военную машину рейха» [15]. «Закройтесь стальной броней от любых признаков сострадания! Кто бы ни размышлял об этом миропорядке, он знает, что его смысл заключается в успехе, достигнутом с помощью силы» [16]. «... Сталин и я – единственные, кто смотрит только в будущее. Поэтому я пожму Сталину руку в

ближайшие недели на общей германско – российской границе, осуществлю с ним новый раздел мира...

Мой пакт с Польшей означал лишь выигрыш во времени. После смерти Сталина... мы разобьем Советский Союз. У меня только единственное опасение – это то, что Чемберлен или ему подобная грязная свинья придет ко мне с предложениями или с изменившимися взглядами. Он будет спущен с лестницы. И даже если мне придется лично пнуть ногой ему в брюхо на глазах у всех фотографов... Завоевание и уничтожение Польши начинается в субботу утром, 26 августа. Я проведу несколько кампаний в польской униформе в Силезии или в протекторате. Поверит ли в это мир, мне наплевать, мир верит только в успех.

Будьте тверды. Будьте безжалостны. Жители Западной Европы должны трястись от ужаса» [17].

От верховного командования армии было передано слово шифровки «Befehlsübernehmen» («примите командование»), и 23 августа группу армий «Север» и «Юг» на польских границах и группу армий «С» на французско – бельгийской привели в полную готовность.

Еще одна немецкая подводная лодка прокладывала курс в Северную Атлантику.

С ц е н а: Кремль, ночь на 24 августа.

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а: сверхконспираторы Сталин и Риббентроп.

При большом количестве тостов и водки и при сильном оживлении заклятые враги – правые и левые – подписали пакт о ненападении с секретным протоколом, который развязывал России руки в Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше к востоку от рек Нарев, Висла и Сан и в румынской Бессарабии. Гитлер и Сталин, самые жестокие циники своей эпохи, теперь были фактическими союзниками; Польша была обречена. Западу поставлен шах и мат [18]. Гитлер глупо улыбался и радовался и назначил день «игрек» – дату нападения на Польшу – 26 августа.

24 августа лидер национал-социалистов Альберт Форстер был назначен «главой государства» сенатом Данцига, в котором преобладали немцы; банковские ставки поднялись в Англии и Ирландии; пограничная охрана была усилена, и в Бельгии, Голландии и Швейцарии началась мобилизация. Запад находился в шоке, вызванном пактом нацистов и коммунистов, однако через день палата общин приняла чрезвычайное специальное обращение к державам. Президент Рузвельт лично обратился с призывом к миру сначала к итальянскому королю Виктору – Эммануилу, а затем к Германии и Польше, а папа римский Пий XII поднял свой голос в защиту «силы разума, а не оружия».

Однако Муссолини медлил: его армия была в «жалком состоянии», Италия еще не была готова к войне.

В министерстве иностранных дел в Лондоне британцы с характерным для их нации упорством, которое достигает апогея, сталкиваясь с безнадежностью, изложили в письменном виде в совместном пакте о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей свою решимость предоставить Польше «всю возможную поддержку и содействие».

Гитлер колебался; опасения Муссолини и неожиданное упорство британцев и французов вынудили его перенести день «игрек». Германская армия в «полном порядке» была остановлена [19], хотя некоторые ее подразделения уже двигались к границе. 26 августа (первоначальная дата «игрек») в Верхней Силезии перед 10-й армией Райхенау происходила некоторая перестрелка. «К-люди» – специальное подразделение контрразведки под непосредственным контролем верховного командования – столкнулось с польскими пограничниками.

Британский и французский послы в Германии – сэр Невилл Гендерсон и Робер Кулондр – повторили аудиенцию у Риббентропа (или Гитлера), чтобы подчеркнуть решимость своих стран оказать помощь Польше и, таким образом, вынудить Германию к ведению переговоров. Попытки были примирительными, но твердыми. Французы обрезали колючую проволоку

вдоль границы; гарнизонные французские войска и резервисты, так называемые «моллюски крепостей», двинулись в «непроницаемые» казематы линии Мажино. Мобилизовалась вся Европа.

В 7:30 вечера 28 августа в рейхсканцелярии состоялось совещание с участием Гитлера, Генриха Гимmlера, генерал-майора СС Рейнхарда Гейдриха, Йозефа Пауля Геббельса, Мартина Бормана, Гальдера и других высокопоставленных нацистов. Гальдер записал свое личное впечатление о Гитлере в дневник: «Невыспавшийся, изможденный, с хриплым голосом, озабоченный». И позже: «Гитлер: «Если произойдет худшее, я буду вести войну даже на двух фронтах» [20].

29 августа, когда колокола звонили по умирающей Европе, сэр Невилл Гендерсон был принят Риббентропом и напыщенным Гитлером, который потребовал возвращения Данцига и Польского коридора, но согласился вступить в прямые переговоры с Польшей. Однако польский эмиссар должен был прибыть в Берлин в среду 30 августа – на следующий день, что было физически почти невозможно.

Ограничение времени, сказал Гендерсон, *hatte den Klang eines ultumatum*². И позже добавил: «Я покинул рейхсканцелярию в тот вечер преисполненный мрачными предчувствиями» [21].

---

² Звучит как ультиматум (нем.).

Последний день мира – 31 августа

Берлин. 0:01

«Предчувствия» Гендерсона находят свое подтверждение около полуночи на 31 августа во время аудиенции у Риббентропа, «прием которого был <...> отмечен сильной враждебностью, свирепость которой усилилась, когда был мой черед говорить.

Он все время вскакивал в состоянии сильного возбуждения, скрестив руки на груди, и спрашивал, есть ли мне что еще сказать...

После того как я сделал мои различные сообщения, он достал длинный документ, который зачитал мне на немецком языке или, скорее, пробормотал как мог быстро в тоне крайнего презрения и раздражения» [22].

Документ включал 16 требований Германии или условий для мира, но он уже, как пренебрежительно заметил Риббентроп, стал академичен или устарел, так как польский эмиссар не добрался до Берлина.

Ночью в 0:30 рейхсканцелярия передает шифровку для осуществления «Белого плана» – нападения на Польшу [23].

Берлин. 2:00

Сэр Невилл Гендерсон принимает польского посла в Германии Йозефа Липского и передает ему краткое изложение бурного выступления Риббентропа.

Берлин. 6:30

Капитан кавалерии Хаузер, помощник генерала Гальдера, главы генерального штаба армии, отдает приказы из рейхсканцелярии: «днем «игрек» будет 1 сентября (следующий день); часом «аш» – 4:45. Гальдер делает некоторые подсчеты и вносит их в журнал: теперь Германия мобилизовала около 2 600 000 человек (включая 155 000 военных рабочих, занятых на возведении укреплений Западного вала). Из них немного более одного миллиона – около 34 дивизий, большинство резервные дивизии, дислоцированы на западе; остальные около 1 500 000 человек – более 50 дивизий (включая 6 танковых) – нацелены на Польшу.

Лондон. 7:00

Мешки с песком укладывают напротив палаты общин – «матери парламентаризма», а станции железной дороги заполняются народом, так как начинается эвакуация трех миллионов детей, женщин, инвалидов и стариков из Лондона и 28 других британских городов – массовое перемещение, не имеющее прецедента в истории. Тень воздушной мощи Германии, страх перед бомбами маячат над миром.

Берлин. 9:00

Итальянский посол в Берлине Бернард Аттоличо извещает Рим о том, что ситуация «отчаянная... война через несколько часов» [24].

Рим. 11:00

Венецианский дворец. Чиано и дуче договариваются. «Италия может вмешаться в действия Гитлера, только если [Муссолини] принесет жирный куш – Данциг» [25].

Берлин. Полдень

«...Мрачная атмосфера <...> все... шатаются в изумлении...» [26].

Осло

Представители Скандинавских стран – Норвегии, Швеции, Дании, а также Финляндии – принимают «обычную» декларацию о нейтралитете.

Варшава

Сельские повозки, телеги, поезда и грузовики заполнены людьми уже немолодыми, так как все резервные слои населения призваны, а молодежь уже одета в военную форму.

Северное море

Три польских эсминца вышли из узких проливов между Балтийским и Северным морями и прокладывают курс в направлении Британских островов. Позади немецкие подводные лодки уходят в глубину, за пределы обнаружения.

Берлин. 12:30

Гитлер подписывает директиву № 1 для ведения войны – «решение силой». Самонадеянный Геринг спрашивает позже: «Что я должен делать с этим «dumf»³? Я знаю это уже сто лет» [27].

Нью-Йорк. 13:00

7-я кавалерийская бригада, механизированная, – единственное бронированное подразделение армии Соединенных Штатов – под дождем, подхлестываемым ветром, идет парадом по городским улицам в промокший лагерь в «завтрашнем мире» – нью – йоркской Всемирной ярмарке. Ее 110 танков и бронемашин – фактически вся бронированная мощь Соединенных Штатов – более символичны для будущего, чем все эти сверкающие мечты ярмарки.

Берлин. 17:00

Проводится что – то вроде чайной вечеринки «Сумасшедшего шляпника», на которой главные лица – Геринг и посол Гендерсон, а также некий Биргер Далерус, шведский бизнесмен, который пытался действовать как неофициальный миротворец и посредник. Во время двух-

---

³ Глушцом (нем.).

часовой встречи Геринг говорит в основном о беззакониях, чинимых поляками, и о желании Гитлера и его собственном дружить с Англией.

«Это была, – позже заметил Гендерсон, – беседа, которая никуда не вела. Я не мог согласиться с худшим <...> он едва ли мог позволить в такой момент тратить время на беседу, если бы это не означало, что все до последней мелочи было готово к действию» [28].

Геринг: «Если поляки не подчинятся, Германия раздавит их как вшей, и если Британия решит объявить войну, я буду очень сожалеть, но это будет неблагородно со стороны Британии» [29].

Берлин. 18:15

Польский посол Липский по распоряжению из Варшавы, на которую, в свою очередь, оказал давление Лондон, добивается встречи с Риббентропом. Это была самая короткая беседа из всех, когда – либо имевших место. Липский говорит, что его правительство готово рассмотреть британское предложение о прямых переговорах, но что он сам не уполномочен в них участвовать. Риббентроп отпускает его. Вернувшись в свое посольство, Липский обнаружил, что его связь с Варшавой отключена [30].

Рим. 20:20

Центральное телефонное управление информирует Чиано, что Лондон отключил связь с Италией. Дуче говорит: «Это война, но завтра мы объявим в верховном совете, что мы не выступаем» [31].

Берлин. 21:00

Наконец – то текст 16 условий, выдвинутых Германией Польше, передается по берлинскому радио, а несколькими минутами позже Гендерсон впервые получает копию предложений, которые предыдущей ночью ему «пробормотал» Риббентроп. Все это больше показное; группы армий «Север» и «Юг» уже выступили. Позже Гитлер признался: «Мне было необходимо алиби, особенно для немецкого народа, чтобы показать ему, что я сделал все, чтобы сохранить мир. Этим объясняется мое великодушное предложение об урегулировании вопроса о Данциге и Коридоре» [32].

Европа. Полночь

Истекает последний день мира. Франция мобилизуется, Европа берется за оружие. В Берлине и Варшаве, в Лондоне, Париже и Риме вновь гаснут огни – уже второй раз за четверть века...

Польша. 4:40. 1 сентября

Люфтваффе бомбит польские аэродромы по всей стране. Старый германский линкор «Шлезвиг – Гольштейн» в ходе «дружественного» визита в Данцигскую гавань обстреливает польскую крепость на Вестерплатте; нацистские СС входят в Данциг; немецкие танки пересекают границы с севера, юга и запада; и начинается «блицкриг» – молниеносная война.

Берлин. 10:00

В то время как польские кавалеристы атакуют немецкие танки, Гитлер оправдывает свою агрессию в рейхстаге. Он назвал нападение Германии «контратакой» и объявил, что «в эту ночь [Sic] впервые регулярные польские силы обстреляли нашу территорию... и с этого момента на бомбы мы будем отвечать бомбами».

Он сказал, что не ссорился с Францией и Англией, но позже утром, когда Геринг и Далерус – шведский бизнесмен – увидели его в канцелярии, он кричал: «Если Англия желает воевать год, я буду воевать год; если Англия желает воевать два года, я буду воевать два года; если Англия желает воевать три года, я буду воевать три года; и если нужно, я буду воевать десять лет» [33].

Рим. 13:00

Дуче обратился к совету министров и объявил о «невмешательстве».

2 сентября

«День неопределенности» [34]. Поляки гибли под немецкими бомбами и снарядами. Кабинет министров Франции раскололся, и Жорж Бонне, французский министр иностранных дел, хватался за соломинку. Соломинкой была запоздалая попытка Муссолини выступить посредником. Столицы Европы еще на что – то надеялись. Послы Рима, Берлина, Лондона приезжали и уезжали, сообщения потоками шли в министерства иностранных дел Европы и выходили из них, но все было напрасно. Британский кабинет министров настаивал на том, чтобы условием для принятия предложения Муссолини стал вывод немецких войск из Польши. Чиано знал, что для Гитлера это условие было невыполнимо.

Берлин. 9:00. 3 сентября

Был «чудесный день конца лета» [35]. Он также был и концом эры.

Сэр Невилл Гендерсон передал в управление Риббентропа сообщение от лорда Галифакса: «Я имею честь сообщить вам, – было написано на высокопарном языке дипломатии, – что в 11 часов (британское летнее время) между Англией и Германией может возникнуть состояние войны» [36].

Франция, кабинет министров которой одолевали сомнения, а лидеров – тревога, отложила присоединение к Британии до 17 часов.

К тому времени мир услышал обращение опечаленного короля Георга VI к своему народу в Англии и за рубежом, которое он сделал прерывающимся голосом:

«Второй раз в жизни большинства из нас мы воюем...»

В Варшаве сразу зародилась надежда, хотя ее не должно было быть. Реалисты понимали, что объявление войны Англией и Францией не могло стать поддержкой оказавшимся в беде полякам. Немцы защитили свой южный фланг укреплениями Западного вала (еще не завершено), и около 34 дивизий (большинство из которых подразделения низкой категории) охраняли границу с Францией. Что более важно, Франция была раздираема раскольническими политическими фракциями – среди них некоторые были верными почитателями Гитлера, – а

французская армия привязана к оборонительным действиям с сильной системой крепостных сооружений. Балтийское море стало немецким. Таким образом, наступление на Польшу оказалось хорошо подготовлено.

Польша с населением в 1939 году почти 35 000 000 человек (только 22 000 000 из них – этнические поляки) была преимущественно аграрной страной – землей с крупными имениями, в большинстве своем очень богатыми; землей лошадей и стад, придорожных погостов и большого количества церквей; землей, сходящейся в столице Варшаве, где Восточная и Западная Европа – славяне и немцы, французская культура и русская отсталость сталкивались вместе. Варшава была городом с большим числом мощеных и грязных улиц.

Польша находилась в безнадежном стратегическом положении, фактически окруженная с запада, севера и юга немецкой территорией и граничащая на востоке с презираемым и ненавидимым колоссом – Россией [37].

Польские вооруженные силы, как и польское государство, представляли собой странную смесь прошлого и настоящего (больше прошлого) и некоторых признаков будущего. В армии было несколько лучших наездников мира. Кавалеристы личного полка Пилсудского, в знак своего превосходства носившие бунчуки, привыкли устраивать возле Варшавы для военных наблюдателей яркую демонстрацию своего мастерства с пиками и саблями и пулеметной стрельбой с небольших повозок с тройкой лошадей, несущихся галопом.

Польская армия, большая по численности, испытывала недостаток в большинстве других военных составляющих. Тридцать пехотных дивизий, образующих десять корпусов, плюс чрезмерное количество конной кавалерии и неполная механизированная кавалерийская бригада в мирное время составляли силу, объединяющую около 280 000 человек [38].

Было еще более 1 500 000 резервистов – мужчин от 24 до 42 лет, которые прошли военную подготовку. А на бумаге – по меньшей мере еще 15 дополнительных резервных дивизий и большое число мелких подразделений. Однако вооружение оставалось слабым. Для полной мобилизации требовалось от 30 до 60 дней, а Варшава не начинала всеобщую мобилизацию до 30 августа. К тому моменту было уже слишком поздно. 1 сентября в польской армии насчитывалось, очевидно, в общей сложности от 800 000 до 1 000 000 человек, включая всех вновь мобилизованных резервистов и военнослужащих, направившихся в свои подразделения. Многие ехали на реквизированных сельских повозках с запряженными лошадьми, в гражданской одежде.

Их сгруппировали в начале кампании в шесть так называемых армий или групп малой и неравной силы, направленных в наревскую группировку (от Ломзы до Литвы вдоль границы с Восточной Пруссией) – армия «Модлин»; армия «Поморже» – в Коридоре; армия «Познань», армия «Лодзь», армия «Краков» и армия «Карпаты» – на юге [39]. Специальная зона прибрежной обороны под командованием адмирала флота охватывала морские подходы к Данцигу, Гданьску и Коридору. Районы концентрации основных резервных группировок, поддерживающих эти армии, были разбросаны по всей стране: сильнейшие – южнее, северо-восточнее и западнее Варшавы. Общее число фактически мобилизованных приближалось к 27–30 дивизиям или эквивалентной им численности. В сущности, поляки пытались создать сплошной оборонный кордон на незащищенных 1 750 милях границы с Германией.

Поддержку армии оказывали две воздушные дивизии – менее 1 000 самолетов, причем лишь половина из них были боевыми и большая часть – устаревшими [40].

Флот был незначительным – около 3 100 человек, несколько эсминцев, подводных лодок, канонерок и речных судов.

Было некоторое количество не сплошных и изолированных бетонных и стальных укреплений и укрепленных позиций. Прочные укрепления, частично сооруженные более четверти века назад, были разбросаны по стране возле городов Быдгощ, Лодзь, Ченстохов, Катовице, Краков, Млава, Познань, вдоль реки Нарев и также на полуострове Хель и на балтийских под-

ходах к Данцигу и Гдыне. Однако полевые укрепления оказались примитивными и плохо подготовленными – несколько траншей, колючая проволока и ловушки для танков, которые было легко избежать. Даже погода – стояло жаркое и сухое лето – играла не на пользу защитникам: обычные для сентября дожди не шли. Уровень Вислы и других польских рек оставался низким: все реки можно было перейти вброд из-за твердой и сухой земли, а знаменитый польский «капитан грязь» не участвовал в кампании [41].

Поляки оказались жертвами беспомощного географического положения их страны и их собственного неопределенного поведения. Они почитали и ненавидели немцев, презирали и боялись русских. Министр иностранных дел Бек был до кризиса настроен против Франции и дружелюбно к Берлину. Рыдз-Смиглы как-то сказал: «С немцами мы рискуем потерять нашу свободу, с русскими мы потеряли бы душу» [42].

Население нового рейха Адольфа Гитлера составляло около 80 000 000 человек, и в нем производилось ежегодно более 21 000 000 тонн стали, что в 15 раз превышало все производство Польши.

Всего за несколько лет дисциплинированный однородный немецкий народ под хлыстом страшного фашистского национализма создал сильнейшую в мире военную машину. Германия была хорошо подготовлена к короткой войне, хотя ее вооруженные силы имели большие недостатки. Гитлер не был настроен на длительную войну в течение нескольких лет («...самое позднее, – сказал он, – все закончится к 1943–1945»). Многие танки вермахта имели слабое вооружение и были слишком легкими; надводный флот сильно уступал британскому; для люфтваффе требовалось больше станций обслуживания и ремонта, а также запасных частей. Кроме того, ощущался недостаток в боеприпасах.

Однако люфтваффе с 4 300 действующими самолетами, большинство из которых были современными боевыми машинами, являлось мощным инструментом политики – в частности в воздушных операциях при поддержке сухопутных войск. Морской флот, хотя и небольшой, качеством компенсировал количество; его линейные корабли (бронированные крейсеры) «Шарнхорст» и «Гнайзенау» водоизмещением 26 000 тонн и его 57 подводных лодок представляли серьезную угрозу британским торговым судам.

Германская армия извлекла выгоду от поражения в 1918 году и ограничительных положений Версальского договора. Ее оснащение было новым, ее тактическим концепциям и политике не мешали отжившие идеи, а ее «сердцевина» – офицеры и унтер – офицеры – были настоящими военными профессионалами, мастерами своего дела.

Мобилизационные планы предусматривали формирование в целом более 100 дивизий по категориям или «волнами» с общей численностью несколько миллионов человек.

Против Польши в сентябре 1939 года Берлин бросил более 50 дивизий, 4 бригады и несколько полков СС [43] плюс два воздушных флота и некоторые морские силы, что в общей сложности значительно превышало 1 500 000 человек.

Кампания была рассчитана на быстроту действия, использовались все четыре немецкие моторизованные и шесть танковых дивизий.

Германский план проведения кампании был, по существу, приспособлен к получению преимущества от невероятных проблем польской географии. Стратегически он задумывался как гигантская битва при Каннах: сражение на уничтожение – двойное окружение польской армии западнее Вислы, а затем Варшавы и остальных польских сил.

Познаньский выступ, где польская граница вдавалась далеко в территорию Германии, лишь слегка удерживался пограничными подразделениями и резервистами, засевшими в укреплениях вдоль реки Одер. Немцы намеревались остаться в обороне в этой центральной области. Сильнейшие германские силы были сконцентрированы на юге, сгруппированные в группу армий «Юг» под командованием генерала Карла Герда фон Рундштедта. В нее входили

три армии – 14-я генерала Вильгельма Листа, 10-я генерала Вальтера Райхенау и 8-я генерала Иоганна Бласковица, объединяющие 34 дивизии. Они – то и перешли границу из Силезии, Моравии и Словакии.

Миссия 10-й армии заключалась в прорыве к Висле и взятии польской столицы. Силы 8-й армии, расставленные по вогнутому в сторону германской границы флангу, обеспечивали его защиту от любой польской угрозы с Познанского выступа. 14-я армия в самой южной точке наступала от Бескид в направлении рек Сан и Буг в Галиции.

Группа армий «Север» под командованием генерала Федора фон Бока была разделена Польским коридором. 4-я армия (генерал Гюнтер фон Клюге) наступала из Померании, 3-я (генерал Георг фон Кюхлер) – из Восточной Пруссии. Всего в них насчитывались 21 дивизия и другие меньшие подразделения.

4-я армия должна была форсировать переправу на Висле между городами Торунь и Грудзендз, а затем установить контакт с левым (северным) флангом группы армий «Юг» в надежде загнать в ловушку тысячи польских солдат. 3-я армия, продвигаясь к югу из Восточной Пруссии, должна была окружить Варшаву в ходе широкого наступления на восток.

Крупные армейские группировки поддерживали воздушные флоты 1 и 4, насчитывающие в своих рядах более 1 600 самолетов. Морская группировка «Восток» на Балтике, сосредоточенная вокруг старого учебного линкора «Шлезвиг – Гольштейн», стоящего на якоре в Данцигском заливе, включала в себя канонерские лодки, подводные лодки и малые суда.

Для ответа на это наступление частично мобилизованные польские силы (многие подразделения которых не были организованы и плохо оснащены) пытались удержать все, но в результате и потеряли все. Угольные месторождения Силезии и польские промышленные области находились в уязвимой западной части страны. Варшава пыталась удержать их, а также незащищенный Коридор вместо того, чтобы организовать сконцентрированную оборону за реками Висла и Сан. Поляки, подобно французам, непоколебимо верили в свои укрепления и оборону – наследие траншейного выживания Первой мировой войны. Они были горды и слишком самоуверенны, живя прошлым. Многие польские солдаты, пропитанные военным духом своего народа и своей традиционной ненавистью к немцам, говорили и мечтали о «марше на Берлин». Их надежды хорошо отражают слова одной из песен:

...одетые в сталь и броню,
Ведомые Рыдзом – Смиглы,
Мы маршем пойдем на Рейн... [44].

Однако поляки, как и весь остальной мир, никогда не сталкивались с тактикой «молниеносной войны».

Несмотря на угрозы и предупреждения, немцы преподнесли тактический сюрприз; многие польские резервисты были еще на пути в свои подразделения, а подразделения перемещались к точкам концентрации или местам дислокации, когда люфтваффе сбросило первые бомбы в 4:40 1 сентября.

По всей стране – в Варшаве, Кракове, Лодзи и на девяти других главных польских авиабазах, а также на 75 грунтовых взлетно-посадочных полосах и малых аэродромах – взрывы бомб ознаменовали начало войны. Через несколько часов большая часть польских военно-воздушных сил была уничтожена на земле, так и не расправив свои крылья.

Граждане вольного города Данцига были разбужены громом орудий и обнаружили, что они уже больше не «вольные граждане»; войска СС в черной форме патрулировали улицы города, а над городской ратушей была поднята свастика. «Шлезвиг – Гольштейн» обстреливал польские позиции на берегу. Лишь вдоль полуострова Хель и на Вестерплатте, где поляки воздвигли внушительные бетонные огневые точки с прибрежными оборонительными соору-

жениями и легкими орудиями, немецкие танки были отбиты. В других районах немецкие войска быстро двинулись через границы, легко преодолевая слабое сопротивление: «Все дивизии продвигаются в соответствии с планом».

Однако Польша в первые дни войны не была сломлена. Варшава верила обещаниям своих союзников, Англии и Франции, предпринять атаку на западе. «...Моральный дух народа в момент мобилизации был великолепен» [45].

В крупных и малых городах и деревнях воинственные слова польского национального гимна возбуждали энтузиазм:

...пока мы живы,
Польша не умрет.

Мужество не было редкостью. Время от времени, под непрекращающимися воздушными налетами, среди пылающих домов, поляки добивались успехов: иногда, хотя и редко, 37-миллиметровые противотанковые орудия подбивали легкие немецкие танки.

Однако волна немецкого наступления была непреодолима.

На многих участках фронта сильный туман на земле, который ограничивал поддержку с воздуха и препятствовал наблюдению за артиллерийским огнем, мешал больше немцам, чем противостоящим им полякам.

Недостаток боевого опыта немецких войск и некоторая нехватка лидерства – неизбежные в любой армии, не закаленной в сражениях, – также создавали препятствия, которые преодолевались с появлением нескольких сильных профессионалов.

Генерал Хайнц Гудериан, командующий 19-м корпусом, следил за продвижением на реке Браэ, когда полковой командующий позволил увязнуть своему подразделению. Молодой лейтенант – танкист предстал перед Гудерианом. «...Рукава его рубашки были закатаны, а руки черны от пороха.

«Господин генерал, – сказал он. – Я только что с Браэ. Вражеские войска на дальнем берегу слабы. Поляки ведут огонь по мосту в Хаммермюле, но я открыл огонь из своего танка. Мост можно перейти. Наступление было остановлено лишь потому, что некому возглавить его. Вы должны отправиться туда сами, господин генерал». Гудериан «отправился туда сам», увидел, что продолжается «идиотская» паническая стрельба, прекратил ненужный обстрел, посадил батальон в резиновые лодки, создал предмостовое укрепление и взял в плен польскую велосипедную группу – единственных защитников на этой части реки. «Потери, – отметил Гудериан, – были незначительными» [46].

Наступление продолжалось, но с короткими задержками.

Между северным флангом 8-й армии (подразделением, которое фельдмаршал фон Рундштедт вынужден был назвать «мой всегда проблемный участок») и группой армий «Север» был большой разрыв, а польские силы на Познаньском выступе, как ожидалось, должны были атаковать в южном направлении, чтобы врезаться в открытый фланг группы армий «Юг». Вместо этого большая их часть любезно отступила на восток и была разбита.

С первых часов передвижению польских войск мешали толпы беженцев со своим скарбом, нагроможденным на повозки всех видов... которые гнали перед собой стада коров, перекрывавших дороги. <...> Военная связь была почти невозможна. Надвигалась тень катастрофы [47].

Для иностранцев, как и для поляков, внезапное известие о войне и о быстром передвижении германских армий казалось невероятным и недостоверным.

Один англичанин, находившийся в Кракове 3–5 сентября, писал:

«Краковская архитектура в стиле барокко стала, странным образом, невесомой при лунном свете... У меня было ощущение чего – то одновременно близкого и потустороннего – сон или сюжет для дона Джованни. Затем внезапно раздался крик:

«Увага! Увага! Увага!» – и завывли сирены. Это была воздушная тревога.

...Вскоре после восхода солнца были отчетливо слышны выстрелы тяжелой артиллерии... Я обратил внимание на странное спокойствие евреев. Другие кричали, а от грохота зенитных орудий, казалось, должны были лопнуть барабанные перепонки, но евреи со своими большими бородами, в черных пальто, продолжали идти по улицам с чувством собственного достоинства» [48].

В польском городе Быдгоще население бежало в панике рано утром 3 сентября, когда пушки начали методично обстреливать городские улицы. «Военные повозки с багажом мчались настолько стремительно, насколько быстро могли бежать лошади; автомобили и грузовики сталкивались друг с другом, и все это направлялось к мосту через реку Брда».

Однако не германские танки, а, как называли их поляки, диверсанты – немецкие поляки, симпатизирующие нацистам или немцам, – вторглись в Польшу в качестве «пятой колонны» в дни, непосредственно предшествовавшие войне.

Жители города Быдгощ забыли о своих панических настроениях, повернулись лицом к врагу и в жестоких уличных сражениях, типичных для столкновений возле границы с Германией, отвоевали свой город, предоставляя расстрельной команде безотлагательно вершить правосудие над каждым захваченным диверсантом.

Но триумф был недолгим. Немецкие танки, слегка запаздывая, с грохотом въехали в город Быдгощ 4 сентября [49].

К 3 сентября Гитлер отметил «хорошие успехи в целом...».

Победа Германии в Польше – это триумф «больших батальонов», настоящего над прошлым, силы над слабостью. И результат новой тактики: использования большого числа танков и пикирующих бомбардировщиков. Эту тактику в основном разработал беспокойный немецкий генерал Хайнц Гудериан, который в свою очередь перенял многие идеи от известного французского офицера по имени де Голль и от двух английских ветеранов Первой мировой войны – генерал-майора Дж. Ф.С. Фуллера и капитана Б.Х. Лиддела Харта.

Три тысячи танков ринулись по сухим польским равнинам, обошли укрепленные районы, глубоко врезались в тыл. Со свистом были выпущены внушающие ужас пикирующие бомбардировщики «Штука», которые, как соколы, падали на свою добычу.

Поляки сопротивлялись и погибали. С севера, запада и юга, от песчаных пляжей Балтийского моря, озерных районов Восточной Пруссии и равнин Померании до Яблунковского перехода и отрогов Карпатских гор, германские легионы широким фронтом шли по территории Польши. Только на самом севере, на берегах Балтийского моря, где мощные укрепления не поддались ливню снарядов и бомб, поляки держались.

В спорном Коридоре, который удержать было нельзя, две пехотные дивизии поляков и кавалерийская бригада армии «Поморже» были отрезаны немецким 19-м корпусом 4-й армии, которая перерезала основание Коридора до Восточной Пруссии. На следующий день после начала войны, 2 сентября, эти подразделения были сметены. Великолепные наездники с пиками на изготовку, со скрипучими кожаными седлами погибали под дробь галопирующих копыт вместе со своими конями, сбивавшимися в гурт.

Вновь и вновь люди и лошади шли против танков и пушечного огня, но силы были неравными.

3-я (Восточно – Прусская) и 4-я (Померанская) армии из группы армий «Север» полностью соединились к 3 сентября. Коридор, за исключением его северной оконечности, был уни-

чтожен. Упорно сопротивлявшиеся бетонные и стальные огневые точки, а также противотанковые орудия были обойдены с флангов, и продвижение 3-й армии к Варшаве продолжилось.

Яблунковский переход был взят 1 сентября при яростном, но неэффективном сопротивлении польских горно-пехотных войск, и части группы армий «Юг» в первый день продвинулись на 15 миль, сметая польскую оборону или обходя ее и оставляя на расправу идущей следом пехоте. Длинные вереницы мулов и людей шли, петляя между гор и холмов, к самому сердцу Польши.

Взорванные мосты, изрытые взрывами дороги, заминированные туннели и поваленные деревья замедляли, но не останавливали наступления немцев. Инженеров пускали вперед. Они устраняли препятствия, наводили мосты, ремонтировали железные дороги. Вслед за боевыми частями бесперебойно везли бензин, порох и продовольствие – вещественное обеспечение войны.

Продвигающийся фронт был отмечен грязной линией опустошения; «черный дым горящих деревень и пушечного огня навис низко над землей» [50].

Ченстохов пал 3 сентября. Части 10-й армии из группы армий «Юг» пересекли реку Пилицу и повернули на северо – запад к Варшаве 5 сентября. Гальдер записал в своем дневнике: «Враг разбит». 6 сентября 14-я армия заняла древний Краков, гордящийся успехами польского величия, средневековыми зданиями и традиционным наследием. «Наши танки показали себя очень хорошо, – отметил Гальдер. – Польские противотанковые ружья не могут пробить нашу броню.

Краков взят. Познань пала... Польское правительство ночью покидает Варшаву...

Из всех польских сил пять дивизий, можно считать, уничтожены; <...> десять <...> все еще совершенно не тронуты; остальные сильно потрепаны в боях и на маршах».

Немецкие военно-воздушные силы царствовали в воздухе. Польские железнодорожные пути и дороги постоянно подвергались атакам; польские войска так и не вышли на намеченные позиции. Время от времени польские летчики требовали возмездия за пролитую кровь; время от времени, взлетая с отдаленных или временных аэродромов, они праздновали короткие моменты победы. 3 сентября в Новы – Тарге легкие бомбардировщики 31-й эскадрильи внесли свою лепту в историю. Польский летчик об этом случае писал: «Одномоторные самолеты с экипажем из трех человек с тремя пулеметами и 600 килограммами бомб с ревом летели над дорогой и просто втискивались в мотоколонну – великолепную цель – по всей ее длине. Первые бомбы были очень хорошо нацелены. Они разорвались посреди дороги. Бензовоз горел синим огнем. Два танка, получившие прямые попадания, перевернулись, и из их искореженной стальной брони шел дым. Они блокировали дорогу. Наши пулеметчики стреляли по пытавшимся бежать немцам.

Хотя для немцев это было полной неожиданностью, их паника длилась недолго, и вскоре с земли было оказано сильное сопротивление.

Белые следы трассирующих пуль прорезали воздух за хвостами, у крыльев и спереди наших самолетов, один (из польских бомбардировщиков) был подбит и горел» [51].

Но такие успехи были редкими и незначительными. Польские военно-воздушные силы с первоначальным соотношением к силам противника один к четырем или пяти были измучены и «пощипаны». Оставшиеся самолеты постоянно перелетали с выжженных солнцем посадочных полос или площадок на новые «аэродромы»; самолеты терпели крушения или ломались; радиопередатчики выходили из строя; за короткое время в рейдах стало участвовать один – два самолета с 18-килограммовыми бомбами. «Через три дня (к 3 сентября) люфтваффе вытеснило военно-воздушные силы с неба, разрушило большинство их баз на земле и привело в негодность мастерские по ремонту и обслуживанию самолетов» [52].

Поляков, хотя они быстро отступали, постоянно настигали с флангов, их фронт прорывался, а укрепленные точки обходились стороной. Тысячи солдат, рассеянных и дезорганизованных в давке немецкого наступления, позднее не спеша были уничтожены.

Члены «пятой колонны», немецкие шпионы и саботажники сыграли свою роль в падении народа в пучину хаоса. За пределами Варшавы, где польские артиллерийские батареи были размещены среди деревьев, был пойман на месте преступления человек в штатском, запускавший сигнальные ракеты для наведения немецких пикирующих бомбардировщиков. Он имел чемодан с двойным дном, где аккуратными рядами, как винные бутылки, были уложены заряды для ракетниц.

Однако враг извне – танки, самолеты и «блицкриг», а не враг внутренний – сломил польское государство.

Польское верховное командование, руководствуясь личным указанием маршала Рыдза – Смиглы, пыталось в первые дни после начала войны реорганизовать оборону и сконцентрировать большое число рассеянных частей и разрозненных армейских группировок в трех основных армиях. Одна располагалась к северу от Варшавы и Вислы, другая – к югу от Варшавы до реки Сан, и еще одна – на самом юге. Однако немецкие атаки вновь и вновь рассеивали польские части и разрушали мосты. К тому же поляки передвигались пешком и на лошадях, а передовые отряды немцев – на танках и грузовиках. Нацисты двигались слишком быстро, и у поляков оставалась нескоординированная оборона из разрозненных частей шести так называемых армий.

К 8 сентября 4-я танковая дивизия достигла пригородов Варшавы, а несколько танков проникли на улицы города 9 сентября, однако были вытеснены продолжавшимся четыре часа ожесточенным огнем. Главный город был призом, который ожесточенно удерживался.

Обстрел Варшавы, заполненной тысячами беженцев, немцы начали методично, тщательно и упорно 8 сентября, а шестичасовой воздушный рейд на восточную окраину Праги через Вислу привел к сильным пожарам [53].

9 сентября мэр Варшавы Стефан Старжинский, неутомимый и упорный, обратился за помощью к польским добровольцам. 150 тысяч мужчин и женщин рыли траншеи и воздвигали уличные баррикады.

К 10 сентября началось медленное умирание. «Все здания вокруг нас лежали в руинах. Пожар в госпитале Преображения, в котором находилось несколько сотен раненых, представлял собой ужасное зрелище. Я видел солдата с ампутированными ногами, который выползал из здания на локтях; другие раненые выпрыгивали из окон на мостовую», – сообщал очевидец [54].

Немецкие танки теперь сжимали клещи [55]. За ними творился хаос – дезорганизованные остатки, прячущиеся в лесах или на болотах; отделения, взводы, роты или батальоны, которые выходили из своих укрытий для кратких боев или с высоко поднятыми руками, чтобы сдаться «высшей расе».

Немецкий солдат Вильгельм Прюллер записал в своем дневнике, ставшем позже известным, такие слова: «Мы продвигаемся с ужасающей [для противника] скоростью. Дороги вне всякого ожидания. На каждом шагу мертвые поляки. Пыль глубиной не меньше фута». И позже: «Везде наблюдалась одна и та же картина: горящие дома, разрушенные нашей артиллерией, бездомные семьи, рыдающие женщины и дети, у которых нет будущего» [56].

Однако немцы столкнулись с дерзкими действиями поляков: над полуостровом Хель все еще развевался польский флаг, а дальше к югу, возле Кутно, немецкая 30-я пехотная дивизия 8-й армии понесла «тяжелые потери», когда ее чрезмерно выдвинутый открытый фланг и широкий фронт были атакованы несколькими польскими дивизиями [57].

Но генерал Гальдер радостно записал в своем дневнике 10 сентября: «Везде войска в хорошем состоянии... действия войск великолепны» – и предсказал наступление грядущих ужасов войны: «Артиллерия СС загнала евреев в церковь и уничтожила их...»

К 10 сентября Гитлер дал люфтваффе разрешение осуществить разведывательные полеты с пересечением франко – германской границы, а Гальдер отметил в дневнике, что британские солдаты прибыли в Перл (близ франко – люксембургской границы). На военной конференции, начавшейся 10 сентября в 16:00 уже обсуждались детали действий администрации на завоеванных польских территориях и переброски войск на западный фронт.

Поляки продолжали воевать, однако к этому времени надежды на победу померкли. Везде было одно и то же – бесконечные марши, отступления и столкновения, постоянные воздушные налеты, медленное наступление конца. К 13 сентября от 11-й пехотной дивизии Польши возле Пшемысля осталось едва ли шесть батальонов, в каждом из которых насчитывалось не более 300 человек...

«Немецкие самолеты совершали налеты на наши позиции с частыми интервалами, – сообщает тот же очевидец. – Нигде нельзя было укрыться – вокруг ничего, кроме проклятой степи. Солдаты бросались бежать с дороги, пытались найти убежище в канавах, лошади же оказались в худшем положении. После одного из налетов мы насчитали 35 убитых лошадей, а несколько дней спустя артиллерийское подразделение дивизии потеряло 87 лошадей за один налет. Этот марш не был похож на марш армии; он был больше похож на бегство некоего библейского народа, движимого вперед Божьим проклятием и растворяющегося в пустыне» [58].

Связь между разрозненными польскими армиями почти не осуществлялась: радиостанции не работали или были потеряны, наземная кабельная связь прервана. Контроль над войсками невозможен, хотя его пытались наладить, как в наполеоновские времена, с помощью курьеров или невооруженных легких самолетов связи, которые сбрасывали приказы на землю.

В осажденной польской столице нарастало смятение.

«Даже в присутствии врага бюрократы остаются бюрократами – бездейственными и глупыми», – с горечью заметил свидетель [59]. Под ужасающий свист снарядов и взрывы бомб организованная жизнь города быстро приходила в упадок; лишь голос мэра, спокойный и настойчивый, звучавший ежедневно по радио, мобилизовывал людей, пораженных страхом.

К середине сентября Польская кампания завершилась серией отдельных сражений с целью окружить и уничтожить противника. Два крепостных города, Варшава и Модлин, были окружены и обстреливались артиллерией на земле и бомбами с воздуха.

Еврейский квартал Варшавы Налевски подвергся жестокой бомбардировке; система водоснабжения была разрушена огнем, ощущался недостаток продовольствия. Около 700 лошадей, включая элитных польских призеров, ежедневно забивали на мясо. «В этой войне насмарку пошли 20 лет племенного разведения лошадей в Польше». Немцы продолжали неумолимые и непрекращающиеся обстрелы – два снаряда в минуту. «Рухнули многие здания, – писал житель Варшавы. – Королевский замок разрушен, в руины превращена электростанция. Город остался в темноте, покрытый мелкой пылью развеваемого ветром мусора и дымом от бесчисленных пожаров. Верующие погибали во время богослужения. Снаряд попал в собор Святого Иоанна во время мессы» [60].

Огромная перемолотая масса людей – остатки 12 польских дивизий и трех кавалерийских бригад – отчаянно сопротивлялась сжимающемуся кольцу к северу от реки Бзура близ Кутно. Генерал Владислав Бортновский, командующий польскими силами, предпринял две серьезные попытки вырваться из «котла» 12-го и 16 сентября, однако кольцо медленно продолжало сжиматься, и 17 сентября части люфтваффе, участвовавшие в налетах на Варшаву, перенесли свои цели на район Кутно. Поляки пали. По меньшей мере 40 000 пленных были захвачены, тысячи погибли.

Намного дальше к востоку, где на дорогах стояли столбы «белой выжженной пыли», 14 сентября 10-я немецкая танковая дивизия подошла к городу Брест (Брест-Литовск) на реке Буг, но мужество поляков позволило добиться передышки. После того как были пробиты нерушимые укрепления города, его защитники отошли в крепость с мощными стенами, преградив ворота старым танком. Малые силы поляков держались до 17 сентября.

Но все это было кратковременным утешением. Гудериан, олицетворявший собой концепцию «блицкрига», доказал действенность теории, которую он помог развить. Именно его 19-й корпус, 10-я и 3-я танковые дивизии и 2-я и 20-я моторизованные пехотные дивизии проникли глубоко в Восточную Польшу и заняли Брест. Его быстрые бронетанковые части с подразделениями мотопехоты, которые шли вслед за передовыми отрядами, совершили прыжок, руководимые только по радиации; их левый фланг даже не был защищен во время броска на юг. Укрепленные участки противника обходили стороной, чтобы расправиться с ними позже и без спешки. Скорость, мобильность и мощь немецкого наступления свели на нет все попытки поляков сформировать сплошной фронт; наступление Гудериана предопределило характер глубокого проникновения бронетанковых подразделений в ходе последующих военных кампаний.

К 11 сентября другие окруженные польские силы в Радоме – остатки пяти дивизий и кавалерийской бригады – были разбиты группой армий «Юг»; при этом в плен попало 60 000 человек. К 17 сентября части 10-й армии вели бои на улицах Люблина на «акрах руин» [61].

Далеко к югу силы целевого назначения немецкой 1-й горно-пехотной дивизии под командованием полковника Фердинанда Шернера, позже снискавшего славу и ставшего фельдмаршалом [62], достигли 12 сентября Львова. Это была последняя цитадель поляков. За несколько дней до этого правительство и верховное командование устроили там штаб-квартиру. Львов был окружен, но его упорные защитники стояли насмерть, несмотря на падение 15 сентября сильной польской позиции в Перемышле, расположенном западнее.

Внезапно 17 сентября, подобно разразившемуся по всему миру удару грома, части Красной армии русских (около 35 дивизий и 9 танковых бригад) вторглись в Польшу с востока. Это был смертельный удар для уже умирающей страны, организованный ранее Гитлером, хотя большинство немецких солдат о нем не знали, пока он не был нанесен. Произошел четвертый раздел Польши за время ее долгой трагической истории.

Вход в Восточную Польшу русских, встретивших непоследовательное и разрозненное сопротивление (части около двух дивизий и двух кавалерийских бригад) уже побитой польской армии вызвали некоторое замешательство в рядах двух тоталитарных союзников. В ходе некоторых воздушных атак русских были убиты и ранены немецкие солдаты. Часто происходили беспорядочные перестрелки, пока с подозрением относящиеся друг к другу солдаты двух традиционных врагов Польши не встретились восточнее рек Буг и Сан [63].

Все, что произошло позже, было концом. Маршал Рыдз-Смиглы, польский президент Игнаций Мосьцицкий и другие правители бежали (18 сентября) в Румынию [64]; разрозненные группы солдат и небольшие подразделения прятались в болотах и лесах или пробирались через границы, а ОКВ (главный штаб вооруженных сил Германии) начал сдвигать силы к Западному фронту.

21 сентября Львов сдался.

Варшава умирала.

Снаряды и бомбы уничтожали все, что было создано людьми. Тысячи жертв захоронены под обломками или в вырытых наспех могилах в городских парках. 21 сентября эвакуировались оставшиеся дипломаты; поляки натягивали еще больше заградительной колючей проволоки.

22 сентября окончательно была разрушена насосная станция, линии водоснабжения повреждены во многих местах; поляки пытались бороться с зажигательными бомбами с помощью песка, однако борцы с огнем на крышах становились добычей немецких самолетов.

23 сентября убитые лежали на улицах незахороненными; дома рушились; в Варшаве в полдень было темно от пыли и дыма: горела художественная галерея и французское посольство.

К 24 сентября было разрушено здание администрации, повреждена канализация, оставшиеся в городе колодцы осаждали длинные очереди людей, сделавших выбор между водой и

возможной смертью от обстрелов. Эпидемия и голод царили на улицах; еще трепещущее мясо сдиралось с костей лошади сразу после ее поражения при взрыве снаряда; безжалостные бомбардировки продолжались [65].

Мораль была разрушена.

«Сегодня [24 сентября] впервые мы услышали, как женщины смеялись над нашей армией... «Возможно, мы будем вынуждены воевать против танков с луками и стрелами, как абиссинцы», – горько заметила одна из них» [66].

С безжалостной решительностью 3-я и 10-я германские армии медленно изнуряли защитников Варшавы непрерывным артиллерийским огнем и воздушными атаками, и 26 сентября, когда в городе возникло 137 сильных пожаров, 8-я армия, пришедшая в помощь 10-й, начала наступление с юга.

Это была для польской столицы – горящей, изрытой, залитой кровью, но не покорившейся – первая голгофа из нескольких, которые война принесла на ее древние улицы. Немецкие танки обстреливались из завалов, на завоевателей из окон и подвальных убежищ летели бутылки с зажигательной смесью [67]. Здания Варшавы выгорели или разрушены, многие погибшие не захоронены, а радио Варшавы передавало жалобные призывы о помощи, за которыми следовали ее известные позывные – первые ноты «Полонеза» Шопена. Лондон и Париж наблюдали за осадой с беспомощным ужасом и сдержанной гордостью. Однако надежда угасла.

К 14:00 27 сентября генерал Юлиуш Руммель, бывший командующий армией «Лодзь», старший офицер в Варшаве, сдал 140 000 польских солдат.

Это было великое время. Город пережил 27 дней бомбежки, 19 дней артобстрела. Был хаос и катастрофа. Ни один человек – военный или гражданский, мужчина или женщина, поляк или немецкий пленный – не был защищен от смерти или увечий. Город стал бойней, больницы – адом.

Каждый день «телеги, заваленные трупами, выглядевшими в лучах утреннего солнца как груды восковых фигур, отвозили их на общие могилы. Раненые лежали без оказания им помощи – «столы и пол покрыты стонущей человеческой массой» [68].

Больницы были разбиты бомбами. Они горели и изрыгали огонь и дым, а раненые умирали с криками вместе со своими сиделками.

В одной из больниц, когда обстрел прекратился и жуткая тишина опустилась на избитый город, «буквально река крови текла по коридору... с берегами из искалеченных тел» [69].

«Около 16 000 защитников гарнизона были ранены, убитых жителей никто не считал, водоснабжение города было прервано на пять дней, и неизбежной казалась эпидемия тифа» [70].

И все же для страдающих варшавских жителей «день 27 сентября, когда наступила внезапная тишина, стал худшим днем за время всей осады и самым тревожным» [71]. Тишина означала капитуляцию. Она означала конец надежды.

Модлин и его укрепления держались на несколько дней дольше – до 29 сентября. Когда в город прекратилась подача воды, генерал Виктор Томм сдал 24 000 солдат, 4 000 из которых были ранены, 3-й и 8-й немецким армиям. Укрепленный песчаный полуостров Хель на Балтике, который все это время сопротивлялся орудиям «Шлезвиг – Гольштейна» и бомбам самолетов «Штука», был сдан последним.

Контр – адмирал Дж. Унруг сдался со своими 5 000 1 октября.

Последняя организованная позиция была в Коке, где с 4-го по 6 октября шли тяжелые бои. Танковые подразделения и части мотопехоты 10-й армии положили конец польскому сопротивлению, и силы Кока сдались 6 октября, на 17 000 человек увеличив число пленных, взятых немцами. Польская кампания завершилась, хотя время от времени в некоторых самых отдаленных районах еще долго продолжались бои [72].

Завоевание Польши ошеломило мир. Исход кампании, в которой было задействовано более двух миллионов человек, был фактически решен менее чем за неделю, ее крупнейшие сражения продолжались две недели, а страна разрушена за месяц.

Немецкая тактика молниеносной войны (бронированные передовые отряды, отважно продвигавшиеся к сердцу вражеской страны при поддержке авиации, наносящей тяжелые постоянные удары, при предательском сотрудничестве «пятой колонны» [73]) вполне соответствовала массовому использованию танков, пикирующих бомбардировщиков «Штука» и безжалостной власти. Это была тактика, которую уже давно обсуждали, но которая никогда раньше не применялась.

Это новое слово «блицкриг» – молниеносная война – означало войну движения, мобильности и маневренности, в ходе которой использовался двигатель внутреннего сгорания – в танках на земле и в самолетах в воздухе.

Польскую кампанию изучали во всех штабных училищах мира. Было очевидно, что окопное противостояние, которое представляла линия Мажино, стало достоянием истории. Как позже кратко прокомментировал генерал-лейтенант Мечислав Норвид – Нойгебауэр, «войны со сплошными фронтами определенно ушли в прошлое» [74].

Танк и самолет стали новыми королями на поле брани, и в войну вернулась мобильность. Передовые отряды германской армии пробивались в глубь Польши на 200–400 миль за две – три недели. Особенно впечатляющим было действие 19-го корпуса Гудериана (с двумя танковыми дивизиями), который очистил район вокруг Бреста (Брест-Литовска). Польша стала очень хорошим полигоном для сторонников теории бронетанковых войн, которые считали, что танки следует использовать в массе в качестве средства атаки, проникновения и закрепления на местности.

Даже для неспециалистов стало очевидно, что появился новый и мощный вид наступления, а вера англичан и французов в оборону и в концепцию постоянных позиций оказалась под сомнением.

Нацисты без колебаний «золотили лилию», несмотря на то что статистика польского поражения впечатляла без преукрашивания. Берлин заявил о пленении около 700 000 поляков, еще более 100 000 были убиты, попали в руки к русским, бежали в Румынию или Венгрию или прятались на болотах и в лесах своей родной земли. (Возможно, 80 000 бежали через границы нейтральных стран [75].) Немцы захватили целый военный арсенал – более 3 200 полевых пушек, десятки тысяч пулеметов, около 1 700 минометов и большое количество боеприпасов. Только 5 из 77 легких кораблей польского флота укрылись в Англии. Польские военно-воздушные силы были уничтожены, хотя несколько пилотов бежали и позже участвовали в сражении за Британию. Завоеванные территории, после того как немцы ушли с части Восточной Польши, которую Гитлер согласился передать на милость русским, насчитывали более 22 000 000 человек, оказавшихся под игом нацистов, менее миллиона из них были этническими немцами.

Победа была завоевана не без потерь для германской армии. Всего 40 389 человек (убитые, раненые и пропавшие без вести) плюс очень малые потери (около 5 500 человек) в авиации и на флоте. Более 10 500 немецких офицеров и солдат из всех служб было убито за 36 дней [76].

Триумф был настоящим и впечатляющим.

Уинстон Черчилль так охарактеризовал Польскую кампанию: «Прекрасный образец современного «блицкрига»; тесное взаимодействие на поле боя сухопутных и воздушных сил; жестокие бомбежки коммуникаций в любом городе, который казался привлекательной целью; вооружение активной «пятой колонны»; свободное использование шпионов и парашютистов; и самое главное – неотразимые броски больших количеств бронетехники» [77].

Немецкая армия была хорошо обучена и хорошо организована в целом. Ее военные традиции, а также прошедшие длительную подготовку офицеры и унтер – офицеры, которые служили в стотысячной армии Веймарской республики, обеспечили ей квалифицированное руководство. Ее однородность – этнически она состояла полностью из немцев – обеспечивала силу. Ее тактическая организация была проста и могла приспособливаться к изменчивым требованиям современной войны. Так называемая «айн – хайт» (целостная система) уменьшила проблемы приспособления сил целевого назначения по форме и величине, которые требовались для выполнения их конкретной задачи; один унитарный составляющий блок можно было легко добавить к другому; нужное количество артиллерии, инженеров и т. д. можно было добавлять по мере модернизации подразделения.

Немецкая армия во Второй мировой войне породила силы целевого назначения; фактически в последующих боях многие ее подразделения, ослабленные потерями, были сгруппированы в силы целевого назначения (или «кампфgruppen» – то есть боевые группы, обычно называемые по имени их командующих). Для тех, кто тщательно изучил кампанию, Польша показала, что армия нацистского рейха была составлена из солдат, проявлявших большую тактическую и практическую инициативу на поле боя. Б.Х. Лиддел Харт прокомментировал это как «инициативность и гибкость в лучшем духе старой традиции», которые продемонстрировали немецкие командующие в Польше. Но, как отмечает Харт, «победа в Польше оказала отравляющее действие на Гитлера» [78].

Он стал еще более самоуверенным. После Польской кампании Гитлер все больше и больше играл роль главнокомандующего: он не предлагал, он располагал.

В Польской кампании, которую Гитлер рассматривал как полицейскую акцию, верховное командование не действовало, как таковое. Гитлер более или менее довольствовался ролью активного наблюдателя, он следил за кампанией вместе с небольшим и неактивным штабом из своей штаб-квартиры в поезде – специальном поезде фюрера, который обычно находился возле военного тренировочного района в Померании. Гитлер ездил на фронт, посещал штабы армий и корпусов, что – то предлагал, но не отдавал приказы. Польскую кампанию фактически вело высшее армейское командование (фон Браухич, главнокомандующий, и Гальдер, начальник штаба). Но Польша была исключением. Гитлер всегда жаждал власти, и он брал ее все больше и больше по мере продолжения войны. Во время кампании в Нидерландах (май 1940 г.) он четко дал понять, что был «теперь полон решимости руководить операциями сам» [79]. Пока победа осеняла его легионы, это не оказывало сильного действия, но когда неудачи и поражения иссушали лавровые венки, он становился все более догматичным и устанавливал все более жесткий контроль. Позже в войне, в частности после битвы за Москву, стратегию нацистов определял главным образом Гитлер; слишком часто, как это было под Сталинградом, она перестала быть гибкой, и малые поражения стали большими. Однако тактика немецкой армии почти до самого конца оставалась гибкой; ее солдаты брали инициативу до тех пор, пока полуобученные солдаты, приходившие на замену, и подавленные или неподготовленные граждане всех рас и наций Европы не образовали огромные бреши в их рядах, и это было вызвано неограниченными амбициями и грандиозными планами Гитлера.

Для большей части западного мира, пропитанного пропагандой о том, что немцы – это автоматы, марширующие только под дудку капризов Гитлера, это было трудно понять. Действительно, миф о том, что немецкая армия была жесткой неповоротливой структурой, бездумно выполнявшей приказы до последней буквы, долго не умирал. Польша не положила ему конец – его отбросили лишь те, кто хорошо изучил ее уроки. Этот миф все еще преобладал даже в американской армии, когда Соединенные Штаты вступили в войну тремя годами позже. Миф умер, как и многие американцы, на поле боя.

Польша поставила на вермахт клеймо лучшей в мире армии по ведению короткой войны. Но Гитлер и Геббельс не только создавали ей полную рекламу, они преувеличивали силу Гер-

мании и умаляли слабость Польши. Польская армия была сильна людьми – многие, если не все в ней, были мужественными людьми, однако ее стратегия оказалась некомпетентной, руководство – слабым, тактика – устаревшей. Кроме того, ее вооружение прошлой войны уступало немецкому. А самолеты и танки разрушили несовременную связь Польши так досконально и быстро, что согласованная оборона уже через несколько первых дней войны оказалась невозможной.

Западные комментаторы отмечали значение передовых танковых отрядов и внушающих ужас пикирующих бомбардировщиков «Штука», но не обратили внимания на то, что стало самым слабым местом на огромных пространствах России – «гузовые конвои снабжения немецкой пехоты, недостаточное количество тяжелых танков и бронемашин для личного состава, подразделений связи, специальных войск тыловой поддержки и снабжения и хорошо обученного резерва» [80].

Но эти недостатки компенсировала сила. Немцы придавали основное значение артиллерии – и это оправдалось. 88-миллиметровые зенитные пушки доказали свою универсальность при стрельбе по наземным целям и начали бороться за право называться лучшими пушками Второй мировой войны. Они были достойны славы, заслуженной ранее 75-мм французской пушкой в Первой мировой войне. Легкие дивизии были слишком легкими военными гермафродитами; позже они были преобразованы в танковые. Было и много других уроков, из которых Германия извлекла больше, чем Франция или Англия. Рейхсвер устранил слабые места и повел свое мощное пропагандистское наступление по всему миру, основанное на победе в Польше, а несколькими месяцами позже – на поле боя, когда его танки завоевали Францию.

Берлин окрестил Польскую кампанию «восемнадцатидневной кампанией» [81], а фильмы военной хроники о нацистской военной машине, которая катится по равнинам Польши, продемонстрированные в посольстве Германии в Вашингтоне, пересланные в Рим и попавшие в Париж и Лондон и показанные по всему миру, глубоко поразили нейтральных и колеблющихся, вдохновили сторонников, посеяли семена сомнения и пожалы урожай страха.

«Дойчланд юбер аллес» – «Германия превыше всего» [82].

Но победа в Польше была для Гитлера двоякой, так как ознаменовала не короткую локальную войну, как он хотел, а начало Второй мировой войны – долгого, изнурительного тотального конфликта, который охватил весь мир. Но когда, немного позже, гитлеровские танки были остановлены у ворот Москвы, а Соединенные Штаты вступили в войну, «блицкриг» стал войной на истощение, войной нескольких фронтов, которую, как и Первую мировую войну, Германия выиграть не могла.

После победы над Польшей мания величия Гитлера проявилась с новой силой. Он был готов к новым и еще более великим победам: его военная машина мчалась по Европе, затемняла небо над Англией, охватила всю Западную Россию, расколола Средиземноморье, проникла в глубь Египта, чтобы отступить окровавленной и разбитой под Сталинградом и Эль-Аламейном и закончить свое существование в руинах Берлина.

То, что Гитлер начал 1 сентября 1939 года, после нападения Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года переросло во вторую тотальную войну века – войну, которая по географическому охвату была несомненно больше Первой мировой войны и даже более кровопролитной. Около 16 000 000 человек из 33 стран и доминионов, одетые в форму, были убиты или умерли. Вероятно, около 24 000 000 гражданских жителей погибли от бомб и снарядов, голода и болезней или в концентрационных лагерях от бесчеловечного отношения человека к человеку [83].

Вторая мировая война, как и Первая, заставила задрожать цивилизацию, ослабила империю, разрушила страны и с католической беспристрастностью косила миллионы злых и мелочных, отважных и лучших [84].

Глава 2

Битва за Британию

Июль – сентябрь 1940 г

«Никогда в сфере человеческих конфликтов так много людей не были в такой степени обязаны такому малому числу людей»
Уинстон Черчилль, 20 августа 1940 г.

Англия стояла перед возможным поражением.

Полная трагедия Дюнкерка завершилась, а неукротимый голос Уинстона Черчилля мобилизовывал народ Британии:

«Мы не сдадимся и не падём. Мы будем идти до конца... Мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться <...> в воздухе... мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться на аэродромах, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться в горах, мы никогда не сдадимся».

Бредовые амбиции Адольфа Гитлера, шовинизм на фоне мании величия и жестокий антисемитизм, которые привлекли немецкий народ под его знамена, депрессия 30-х годов, слабая и нерешительная дипломатия Великобритании и Франции эпохи потакания – эти и многие другие факторы соткали паутину судьбы, в которую попали страны Европы во время Второй мировой войны.

Подготовка к новому Армагеддону, покрытая секретностью, с помощью которой человек всегда скрывает свои планы убийства другого человека, началась за несколько лет до того, как силы вермахта пересекли польскую границу в сентябре 1939 года. А король в своей нерешительной речи во время душевной агонии сообщил империи, над которой никогда не заходило солнце, что Британия вступила в войну.

В Германии страннй триумвират руководил предвоенным возрождением люфтваффе. Жирный и опустившийся Герман Геринг, главнокомандующий германскими военно-воздушными силами, министр авиации, ветеран знаменитого Рихтгоффенского кружка Первой мировой войны, архиапостол гитлеризма, потребитель наркотиков и любитель хорошей пищи и вина, а также пышной военной формы, дилетант в искусстве, человек яркий и обаятельный, но неуравновешенный, человек гнева и отточенного спокойствия, был политическим и психологическим лидером возродившейся воздушной мощи Германии.

Эрнст Удет, пилот скоростных самолетов, планерист – энтузиаст, авиаконструктор, пилот истребителя в Первой мировой войне, «космополитичный, забавный, бон вивант», руководил, как техническая повитуха, процессом рождения гитлеровского люфтваффе. Ему и некоторым другим германские военно-воздушные силы обязаны преобладанием одномоторных конструкций истребителей; он лично провел в 1937 году полетные испытания Me-109, которому было суждено сыграть значительную роль в сражении за Британию. Его направленность, а также необходимость быстрого создания Гитлером военно-воздушных сил и стратегическая концепция Германии о том, что воздушная мощь должна преимущественно играть роль поддержки сухопутных войск, привели к тому, что в первые годы войны Германия делала ставку на пикирующие и на легкие и средние двухмоторные бомбардировщики [1].

Эрхард Мильх, заместитель Геринга, главный квартирмейстер люфтваффе, сторонник дисциплины, политик жестокий и динамичный, был организатором и специалистом по кадрам.

Уже в 1936 году для всех все стало ясно; легион Кондор – 200 самолетов нацистов – был направлен в Испанию под командованием генерала Гуго Шперрля, и это имя вновь будет

записано в историю в самые мрачные дни британской голгофы. Лаборатория крови в испанской гражданской войне предопределяла тактику более значительного конфликта. Это:

Переброска войск: 10 000 марокканцев генерала Франсиско Франко пересекли Гибралтарский залив на «Юнкерсах-52».

Поддержка сухопутных сил: «Хейнкели» и «Хейншели» на бреющем полете бомбили Мадрид, Толедо, Сантандер.

Бомбардировки. Древние, выгоревшие под лучами солнца города с мелодичными названиями Малага, Картахена, Аликанте почувствовали на себе тяжесть немецких бомб во время генеральной репетиции 1936–1939 годов.

И на Британию уже легла тень грядущих событий.

Военно-воздушные силы Великобритании, на которые сильное впечатление произвели пробные стратегические бомбежки в Первой мировой войне, под влиянием стратегии Тренчарда, считавшего, что самолет является главным образом наступательным, а не оборонительным оружием, были одержимы «идеей бомбардировщиков», также подпитываемой в послевоенные годы пьянящим вином Джулио Доуэта, итальянского предтечи воздушной авиации. Таким образом, еще до Мюнхена невидящая и сомневающаяся Англия, для которой Чемберлен был неудобным человеком, не хотела вкладывать средства ни в наступательную, ни в оборонную авиацию [2].

Санкционированных решений было достаточно. Уже в 1934 году, через год после того, как «британские агенты в Германии сообщили, что Гитлер перевооружался в нарушение Версальского договора», кабинет инициировал пятилетний план укрепления военно-воздушной мощи Британии, который впоследствии был пересмотрен. Но при этом были задержки и противодействие. Германия стартовала первой.

Однако были и дальновидные люди. И среди них был человек со странной смесью качеств, с кальвинистской непоколебимой скрупулезностью и неприятными личными качествами, получивший по этой причине прозвище Зануда. Зануда Даудинг – маршал авиации Королевских ВВС, который станет командующим истребительной части и будет решать судьбы наций в самый черный для Великобритании день.

А тот дар технического предвидения и гений изобретательности, которые всегда отличали развитие Британии со времени промышленной революции, не покинули потомков Нельсона и Веллингтона. Уже в 1934 году министр военно-воздушных сил, побуждаемый Даудингом, сформулировал характеристики конструкции истребителя с мощным вооружением и скоростью свыше 300 миль в час. В феврале 1935 года Роберт Уотсон-Уатт запустил радиоволны к летящему самолету и победоносно проследил электронное отражение цели. Появился радар, и к 1936 году была начата работа по созданию «первой практической радарной системы (установленной) где-то в мире», которая представляла собой цепь электронных стражей, охранявших восточное и юго-восточное побережье Англии 24 часа в сутки, начиная с Пасхи 1939 года, когда уже приближался кризис, до окончания Второй мировой войны [3].

И все же после Дюнкерка соперники не соответствовали друг другу. Давид против Голиафа.

Мюнхен, синоним сговора, был для британских ВВС и сухопутных войск замаскированным благословением; он дал им необходимое время.

В марте 1938 года Объединенный кабинет начальников штабов Великобритании единогласно и категорически призвал премьер-министра Невилла Чемберлена избегать войны до тех пор, пока Британия не будет лучше подготовлена. В длинном письменном докладе господину Чемберлену они утверждали, не делая никаких оговорок, что страна не готова к войне, что силовые меры, самостоятельные или в союзе с другими европейскими странами, не могли в то время остановить сокрушительный разгром Германией Чехословакии и что любое участие в войне с Германией на этом этапе может привести к полному поражению...

«...не важно, какой ценой, мы должны быть в стороне до тех пор, пока программа по перевооружению не даст ощутимых результатов» [4].

А за несколько дней до Мюнхена военный министр того времени Лесли Хор – Белиша записал в своем дневнике: «Премьер – министр (Чемберлен) всегда говорит нам об ужасах войны, о немецких бомбардировщиках над Лондоном и о том ужасе, который он сам испытывает при мысли о том, что нашим людям придется переносить все несчастья войны в нашем нынешнем государстве. Никто в большей мере, чем я, не осознает наши сегодняшние недостатки. Начальники штабов считают, что против Германии следует предпринять наступление, но в настоящее время это все равно что выйти охотиться на тигра с незаряженным ружьем».

Для аплодирующей толпы, которая приветствовала премьер-министра и его зонтик, Мюнхен мог означать «мир в наше время», но ВВС знали все лучше; это была следующая ступенька на пути к войне, дипломатическая пауза с целью выиграть время.

Во время Мюнхена у Зануды Даудинга было 406 самолетов в 29 эскадрильях, и только 160 в резерве, и ежемесячно производилось 35 истребителей. В составе его сил было лишь несколько восьмипушечных «Харрикейнов», ни одного современного «Спитфайера», а Германия уже применяла смертоносные Me-109.

Между Мюнхеном и началом войны в сентябре 1939 года британские ВВС увеличили свою общую передовую внутреннюю силу (включая истребительные силы Даудинга) до 1 476 самолетов и 118 000 человек личного состава. Но люфтваффе имело в своем распоряжении приблизительно 4 300 действующих самолетов (включая 540 транспортных) и полмиллиона человек. Только статистика производства самолетов в Великобритании и Германии была примерно одинаковой. Британия производила почти 800 самолетов в месяц, когда в сентябре 1939 года Варшава подверглась бомбардировке; Германия, рассчитывавшая на молниеносную войну, так и не мобилизовавшая в полную силу свое производство во время Второй мировой войны, производила лишь немного больше самолетов. (В 1939-м для военно-воздушных сил Германии было произведено 1 856 истребителей, 2 877 бомбардировщиков, 1 037 транспортных самолетов, 1 112 тренировочных самолетов и 1 413 самолетов других типов – в общей сложности 8 295 самолетов.)

Однако тогда в мире об этом не знали. Официальные цифры производства самолетов в Германии были огромными, и, когда началась война, Лондон ожидал воздушного налета.

Но налет произошел на земле. Польша была повержена, затем – Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Франция. Гитлер танцевал непристойный танец возле своего исторического железнодорожного вагона в Компьене, где он получил известие о том, что Франция сдалась, а Британия осталась сама по себе, одна против завоевателя.

Еще задолго до поражения Франции, фактически вскоре после начала войны в 1939 году, зародилась мысль о вторжении. Операция «Морской лев» – так назвали ее нацисты. Подобно Наполеону, они вглядывались в туманные воды Ла-Манша в направлении меловых утесов Англии. «Морской лев» дремал, когда германские легионы двигались по Польше, в Копенгаген и Осло, Гаагу и Брюссель, в Париж... Но 2 июля 1940 года, когда порты Ла-Манша оказались в руках у Германии, а ее враги на континенте были разбиты, верховный штаб издал свою первую директиву: «Фюрер и верховный главнокомандующий постановил, что высадка в Англии возможна при условии, когда можно будет достичь превосходства в воздухе, а также и при выполнении других определенных условий...» [5].

И двумя неделями позже: «Поскольку Англия, несмотря на ее безнадежное военное состояние, не пойдет против выполнения требований, я принял решение о подготовке операции по высадке в Англии и о ее осуществлении в случае необходимости. <...> Полная подготовка к операции должна быть завершена к середине августа» [6].

Это действительно был незначительный срок для подготовки к завоеванию земли, не подвергавшейся военному нападению со дней норманнского завоевания; небольшой срок, один короткий месяц, чтобы спланировать самую сложную из известных военных операций – десантное вторжение.

Британия дрогнула от потрясающих поражений, но ее мужество не было сломлено. Она понесла огромные потери при Дюнкерке, где эвакуация в лучшем случае была ограниченной моральной победой, доставшейся дорогой ценой.

Королевский военно-морской флот Великобритании спас более полумиллиона бойцов при разгроме Норвегии и Франции, но они были скорее толпой, чем армией. Почти все тяжелое вооружение было оставлено, подразделения дезорганизованы, выжившие измучены, ранены и слабы [7]. 22 танка из 704, направленных во Францию, вернулись домой; осталось мало артиллерии, боеприпасов, совсем немного ружей и военной формы. Королевский военно-морской флот также понес потери: «...более половины эсминцев во внутренних водах были выведены из строя, 16 затонули и 42 получили повреждения за 2 месяца. Флот пострадал, осуществляя эвакуацию из Дюнкерка, а морскому вооружению явно недоставало зенитных орудий».

В то судьбоносное лето 1940 года «силы завоевателей в 150 тысяч отборных солдат в течение недель могли произвести смертельное опустошение в центре нашей страны», – заявил позднее Черчилль в парламенте.

Зануда Даудинг тоже страдал. В боях за Нидерланды и Францию погибло 463 самолета и 284 пилота; его реальные силы после Дюнкерка (466 самолетов на 5 июня) были не намного больше, чем в злосчастное время Мюнхена [8].

Немцы, следуя директиве Гитлера о подготовке к вторжению в Англию, работали с великой энергией, но с малой убежденностью. 31 июля была установлена предполагаемая дата вторжения – 15 сентября. Однако ни германское адмиралтейство, которое относилось с «сердечным уважением» к британскому флоту и хорошо осознавало сложности такой крупной десантной операции, ни германские сухопутные силы не испытывали восторга от «Морского льва». Сам Гитлер рассматривал операцию как «чрезвычайно дерзкое и смелое предприятие», по крайней мере с четырьмя условиями достижения успеха: превосходство люфтваффе над Ла-Маншем и пляжами высадки десанта; успешное применение дальнобойных орудий, установленных на побережье Ла-Манша напротив Дувра (для обеспечения дальнобойной артиллерийской поддержки при высадке и нейтрализации британских военных кораблей); мощная полоса минных заграждений, преграждающих британскому флоту путь к маршрутам переброски; и хорошая погода.

Осуществление планов и упорядоченная подготовка шли полным ходом, в то время как Англия наблюдала за созданием Гитлером континентального пояса для испытания огнем. К началу сентября 1940 года германское адмиралтейство получило 168 транспортных кораблей водоизмещением более 700 000 тонн, 1 910 барж, 419 буксиров и тральщиков и 1 600 моторных катеров и начало стягивать их к югу по направлению к портам Ла-Манша от Роттердама до Гавра. После многочисленных споров и резких перепалок между немецкими военными службами Гитлер выдвинул компромиссный план: высадка широким фронтом между Фолкстоуном и Богнором должна осуществляться во время первой атаки с участием 90 тысяч человек. 16-я, 9-я и 6-я армии – 13 дивизий в атаке, 12 в резерве – должны пересечь пролив, выйти на побережье и завоевать Англию!

В Берлине нацисты пели:

Heute gehert uns Deutschland,
Und Morgen, die ganze Welt!⁴

---

⁴ Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра – весь мир! (нем.)

Когда немецкие корабли были размещены, а армии подготовлены, люфтваффе собрало свои силы для *adlerangriff*. «Орлиное нападение» предусматривало нанесение сокрушительного удара Королевским военно-воздушным силам за четыре – шесть недель до даты вторжения. Предварительные операции начались в июне, и их интенсивность возросла в июле; практически между сражением за Францию и сражением за Британию не было промежутка. В июле среди прочих целей были намечены порты Фалмут, Плимут, Портланд, Веймут, Дувр и конвои, находящиеся в проливе. 10 июля английские истребители совершили более 600 дневных вылетов. Однако атаки были беспорядочными и плохо спланированными. Только за пять недель с 10 июля по 12 августа между Лендс-Эндром и Нором было потоплено кораблей с общим водоизмещением 30 000 тонн, старые порты Англии работали круглосуточно, несмотря на взрывы бомб. Действия люфтваффе были слишком слабы и разрозненны, однако усилили напряжение в британской истребительной авиации.

Немцы не планировали атаки всеми воздушными силами до августа. Однако вскоре после середины июля эскадрильи самолетов, помеченных свастикой, оказались в «полной готовности». Англичане посчитали, что великая воздушная битва вступила в свою решающую фазу 10 июля, хотя подготовительные атаки в этом месяце были незначительны по сравнению с тем, что произошло позже.

По различным оценкам, главное сражение началось между 8-м и 13 августа. Англичане были готовы, их храбрость поддерживалась бессмертными словами Уинстона Черчилля: «Вскоре должна начаться битва за Британию... Очень скоро на нас будет обращена вся ярость и мощь врага. Гитлер знает, что он должен разбить нас на этом острове или проиграет войну... Давайте же сплотимся и выполним наш долг, и поведем себя так, что, если Британская империя и ее Содружество просуществуют тысячу лет, человек скажет: «Это был их лучший час» [9].

На 11 августа 1940 года у Зануды Даудинга было 704 «готовых к действию» самолета (620 из них «Харрикейны» и «Спитфайеры») [10]. В резерве у него было 289 самолетов. Британия хорошо использовала передышку после Дюнкерка.

Британские заводы, пришпориваемые лордом Бивербруком, в июле выпустили 1 665 самолетов, среди них 500 – истребители [11]. Главное радарное прикрытие до 15 000 футов, дополняемое глазами и ушами корпуса наблюдения, простиралось от Саутгемптона, вокруг южного, восточного и северного побережья Великобритании. В районе Дуврского пролива и Ла-Манша мощный глаз британского радара мог «наблюдать» через водное пространство, как вражеские самолеты взлетали с прибрежных аэродромов.

Однако этого было явно недостаточно. Не хватало хорошо обученных летчиков; эскадрильи Даудинга пополнились летчиками авиации военно-морских сил, канадской эскадрильи, поляками и чехами. Британия располагала лишь четвертью необходимых зенитных орудий. Аэростатные заграждения и устройства Руби Голдберга, известные под названием «Пи Эй Си» (парашют и трос) – ракеты, несущие тросы, свисающие с парашютов для использования против низколетящих самолетов, – защищали авиационные заводы. Тысячи британских женщин и детей были эвакуированы из Лондона. Англия ждала, в то время как Зануда Даудинг, страж ворот, в штаб-квартире истребительной группы в Стэнморе изучал поле битвы – крупномасштабную карту Англии...

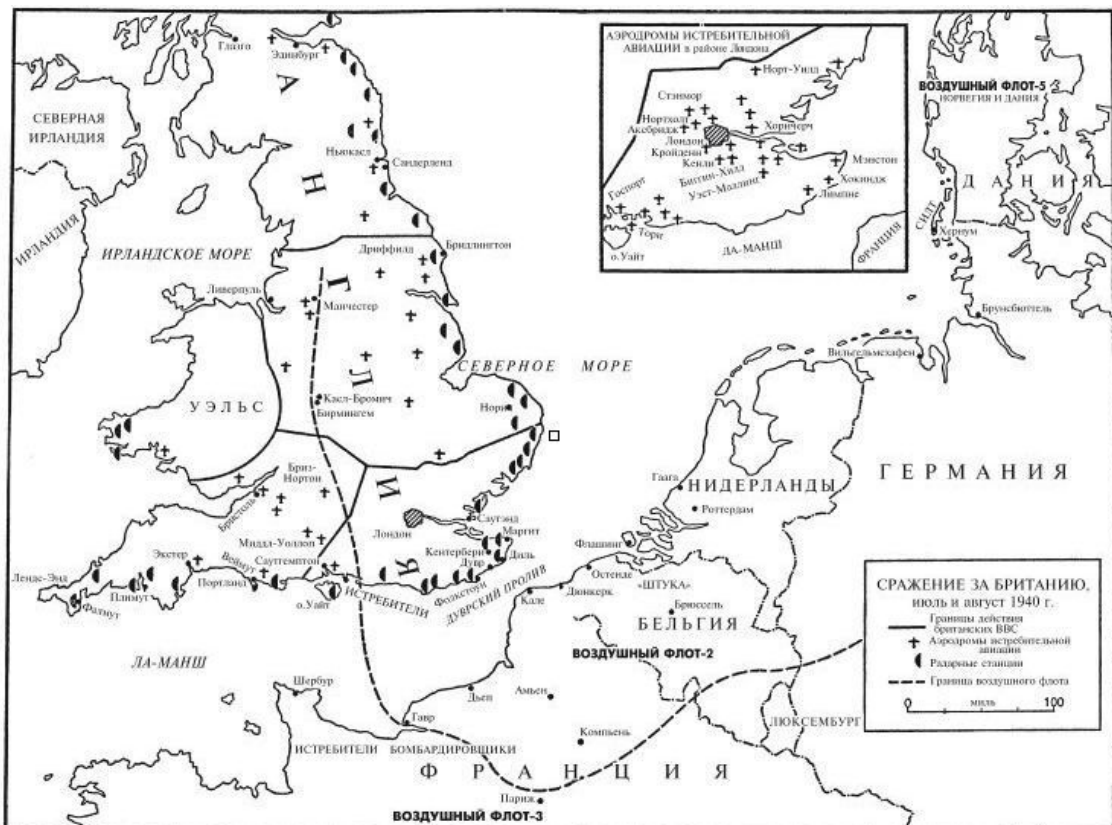
К сражению готовились три военно-воздушных флота Германии: 2-й под командованием фельдмаршала Альберта Кессельринга, базирующийся в Голландии; 3-й под командованием фельдмаршала Гуго Шперрля, базирующийся во Франции; и 5-й под командованием генерал-полковника Ганса-Юргена Штумпффа, базирующийся в Норвегии и Дании. Их общая сила составляла 3 350 самолетов, но лишь 75 процентов из них были готовы к боевым действиям. В любом случае почти полностью бремя сражения выпадало на долю 2-го и 3-го военно-воз-

душных флотов. Немцы использовали против Британии около 900—1000 истребителей – главным образом одномоторных «Мессершмиттов-109», а позже Me-110, и около 1000 «Хейнкелей-111», «Дорниеров-17» и «Юнкерсов-88», а также 300 Ю-87 – знаменитых «Штук».

Начальная фаза

Германский план предусматривал серию начальных, главным образом дневных атак, с последующим наращиванием интенсивности: на британские радарные станции, аэродромы и авиационные заводы, за которыми должны последовать атаки на порты и корабли, находящиеся в Ла-Манше. Эти цели были главными во время двухмесячного периода между Дюнкерком и начальной фазой сражения за Британию. Далее события развивались следующим образом.

Утром 8 августа на планшете в штаб-квартире 11-й бригады в Аксбридже отмечают 60 самолетов противника, приближающихся к острову Уайт. 11-я бригада, «от которой во многом зависела наша [Британии] судьба», прикрывает сердце Англии – Лондон и графства Эссекс, Кент, Сассекс, Гемпшир и Дорсет. «Харрикейны» и «Спиты» поднимаются в гневной спешке, чтобы перехватить «Штуки» и Ю-88, и южное побережье Англии представляет собой грандиозную картину воздушного сражения. Немецкой целью является конвой; утреннее сражение заканчивается потоплением двух кораблей. Однако немцы вновь наносят удар днем, и эскадрильи 10-й бригады (прикрывающие юго – запад) быстро идут на помощь. Надводные корабли разбегаются, когда с неба раздается оглушительный вой; четыре корабля потоплено, шесть повреждено.

Лейтенант авиации Д.М. Крук из 609-й эскадрильи взлетает в «Спитфайере» со своими пятью товарищами из Миддл – Уоллоп; он видит «большое количество вражеских истребителей, кружащих над конвоем, которые выглядят как рой мух, жужжащих вокруг банки с вареньем». Крук замечает Ме-109 под своим самолетом. Немец представляет собой «сидящую цель», но прежде, чем «Спит» достает его, появляется «Харрикейн» и поджигает его. Крук «раздосадован».

11 августа древние порты ощущают на себе ярость с небес; Портланд и Веймут и конвои в дельте Темзы и близ Норича подвергаются бомбежке.

Темп нарастает. 12 августа варвары приходят вновь большой силой. Конвои и флоты «Штук», Ю-88 и «Хейнкелей», прикрываемые Ме-109, режут над белыми скалами Дувра и сотнями совершают пять или шесть налетов, нанося удары по радарным станциям и аэродромам, по Портмуту и конвою на Темзе.

Радарные станции представляют собой безошибочную цель. Их стальные мачты высотой 360 футов возвышаются на утесах, мысах и прибрежных холмах, являясь современным вариантом сигнального огня, который пять веков назад предупреждал о приближении Испанской армады. Станция в Вентноре на острове Уайт полностью поражена – выведена из строя и будет заменена 23 августа другой; пять других повреждены меньше, а немецкие бомбы падают на аэродромы в Мэнстоне, Лимпне и Хокиндже, оставляя воронки на дорогах. Однако не без потерь: 10-я и 11-я бригады берут дань с налетчиков; «Штуки» оказываются уязвимыми; 31 горящий самолет нацистов падает на британскую землю или в прибрежные воды; потери Королевских ВВС составляют 22 самолета.

13 августа, прикрываемые облаками, на Британию летят 1 400 самолетов. Для немцев это было началом их великой атаки – «Днем орла». Но радарные глаза Англии заметили их, набирающих высоту над Амьеном,двигающихся на север из Дьепа и Шербура. А 11-я бригада готова вновь. С многих аэродромов южных графств поднялись «Спиты» и «Харрикейны», чтобы встретить врага у воздушных ворот Англии. В этот день бомбы мутят воду у Саутгемптона, а от Маргита до Саутэнда над дельтой Темзы в небесах идут непрекращающиеся сражения.

«Это день кипящего лета», и британцы летают в рубашках с короткими рукавами, но они «полностью пропитаны потом», когда бросаются на нацистские самолеты. Лейтенант авиации Крук побарывает свою «досаду», возникшую несколькими днями раньше. Он попадает в самое пекло (200 варваров) над островом Уайт.

«Там были все военно-воздушные силы Германии, кроме Геринга!»

Крук ныряет «прямо в середину» немецкого круга истребителей, на несколько секунд открывает огонь из своих пушек, видит, что его наводка не верна, в последний момент избегает столкновения с другим истребителем, выходит из пикирования над морем, теряя сознание от «ужасной скорости», видит, как горящий «Мессершмитт» «падает позади в 200 ярдах» и возвращается в Миддл – Уоллоп, чтобы выпить пинту пива, – и чувствует себя лучше.

Но Крук и его товарищи не могут предотвратить урон.

Кессельринг и Шперрль направили свои бомбардировщики на аэродромы и авиабазы британских ВВС; две из них сильно повреждены; семь других, включая базы с историческими названиями Миддл-Уоллоп, Торни-Айленд, слышат пронзительный вой падающих бомб, сирену и сигнал отбоя, но избегают сильных повреждений. Цена: 45 нацистских самолетов. Британские ВВС потеряли 13.

Но генерал-полковник Франц Гальдер оптимистически замечает в своем дневнике: «Результаты очень хорошие... Восемь крупных авиабаз практически уничтожены».

В ту ночь происходят и другие зловещие события. Немцы проводят успешные ночные атаки на британские авиазаводы. 100-я группа бомбардировщиков, специально обученная действиям в ночных условиях, поражает завод в Касл-Бромич, производящий жизненно важные «Спиты», одиннадцатью бомбами.

14 августа – день затишья перед бурей; немецкие бомбы падают на различные районы по всей Англии; восемь авиабаз Королевских ВВС ощущают на себе молнию с неба, но это несогласованные удары, незначительные, а в Мэнстоне Ме-110 (двухместные двухмоторные истребители), несущие бомбы, заменяют уязвимые «Штуки».

15 августа Геринг, высокомерный и самоуверенный, начинает свою самую крупную атаку [12]. В небо запускается со скандинавских баз 5-й воздушный флот; мощные воздушные рейды не достигают Британии из Норвегии и Франции. Если Зануда оголит север, чтобы усилить защиту «сердца», пострадают Тейнсайд и Йоркшир. Сплошные бомбардировки выводят из строя британский радар.

В этот день в 11:29 60 «Штук» и 50 Me-109 пересекают береговую линию к югу от Дувра. 54-я и 501-я эскадрильи 11-й группы идут на перехват; аэродром Лимпне поврежден; днем, далеко к северу, на картах операций 13-й группы, обеспечивающей защиту северной части страны, появляется первая схема действий немецких самолетов – 65 «Хейнкелей» и 34 Me-110 в 100 милях от залива Ферт-оф-Форт. 72-я эскадрилья, совершающая патрулирование, направляется на перехват; позднее 79-я, 41-я, 605-я и 607-я эскадрильи присоединяются к ней, а зенитные орудия Тейнсайда открывают огонь. Немцев преследуют по всему небу; двухмоторные Me-110, единственные немецкие истребители с дальностью полета, достаточной для пересечения Северного моря, не выдерживают огня «Спитов» и «Харри». В Сандерленде разрушено 24 дома, но ни один завод или аэродром не поврежден. Немецкие налетчики уничтожены.

Другой налет из Скандинавии был успешнее. Немецкие самолеты, вступив в бой, расстреливают устаревшие самолеты из Бленгейма, подрывают склад боеприпасов близ Бридлингтона в низвергающемся аду из дыма, пламени и глубоких рытвин, доходят до аэродрома в Дриф-филде, где англичане теряют десять самолетов на земле.

Однако результаты для 5-го воздушного флота неутешительны; никогда больше в ходе сражения за Британию Штумпфф не будет пытаться совершать дневные налеты на северо-восточное побережье; немецкие бомбардировщики без поддержки Me-109 слишком уязвимы.

Однако день еще не закончился. На юго – востоке 11-я группа испытывает сильное давление. Тысячи самолетов совершают налеты на севере дельты Темзы, крутятся над Фолкстоуном и Дилем, а позже в этот же день разыгрывается жестокое и беспорядочное сражение. Крупные соединения, разбившись на группы, ввязываются в схватки друг с другом. Пули на излете поражают английских крестьянских девушек; следы самолетов прорезают небо, а дым, вытянувшийся аркой по небу, похож на разгоняемый ветром эфемерный монумент летчикам, которые погибли в бою и у которых нет могил. В этот день почти 1 800 самолетов противника нападают на Британию – более 500 бомбардировщиков, почти 1 300 истребителей. Два авиазавода сильно повреждены; нанесен некоторый ущерб аэродромам, но британцы ликуют. Они считают, что 182 вражеских самолета точно уничтожены, 53 – вероятнее всего, а потери Британии составляют 34 самолета. Заголовки в прессе оповещают о том, что это величайшая победа с начала сражения. Немцы выдворены. Однако в Германии занижают цифры. Они подтверждают гибель лишь 32 своих самолетов; в действительности же потеряли 75 – намного меньше, чем утверждают Королевские ВВС. Тем не менее это крупнейшие потери по сравнению с любым другим днем сражения.

В своей прусской загородной резиденции дородный Геринг, задавая корм своим жеребцам – призерам, проводит конференцию с Кессельрингом, Шперрлем, Штумпффом.

«До дальнейших распоряжений, – указывает рейхсмаршал, – операции будут направлены исключительно против военно-воздушных сил врага. Сомнительно, что есть смысл продолжать атаки на радарные станции, поскольку ни одна из атакованных не была выведена из строя».

16 августа бандиты роятся над Британией, как пчелы вокруг улья, – 1 700 самолетов, в том числе 400 бомбардировщиков.

Немцы отмечают «величайший успех за все время сражения», когда два Ю-88, вынырывающие из низких облаков, уничтожили 46 самолетов в ангарах в Бриз – Нортоне. Но немецкая разведка слаба – лишь три из восьми аэродромов, подвергшихся в этот день бомбежке, используются парнями Зануды Даудинга.

Капитан авиации Дж. Б. Николсон из 249-й эскадрильи заслуживает крест Виктории в воздушном бою в тот день над Госпортом. Его истребитель «Харрикейн» в «горячей схватке с врагом» подбивают четырьмя 20-мм пушечными снарядами. Николсон ранен, бензобак пробит, пламя проникает в кабину. Легчик готов выпрыгнуть, но замечает в прицеле Me-110. Николсон остается в своем горящем самолете и изливает столб огня на врага. Только после этого, обожженный, окровавленный и задыхающийся, он прыгает с парашютом. Во время приземления Николсон получает ранение в зад от открывшего пальбу возбужденного добровольца из войск местной обороны.

17 августа – день передышки, желанный период с мелкомасштабными боями и несколькими тревогами.

Но 18-го немцы приходят вновь и проливают кровь. Они уничтожают большинство ангаров в Кенли, авиабазы 11-й группы в важном районе, достают четырех «Харрикейнов» на земле, буравят дороги, повреждают линии связи. Также повреждены авиабазы в Кройденне, Биггин-Хилле, Уэст-Маллинге, Госпорте, Торни-Айленде и Полинге. Британские ВВС сообщают о верной гибели 155 немецких самолетов; немцы признают потерю лишь 36, а в действительности теряют 71 самолет. Это вторые по количеству потери за время сражения. Знаменитые «Штуки» истреблены; Геринг выводит большую их часть из сражения.

Нападение

Передышка длится пять дней. Беспорядочные налеты беспокоят Британию, но они незначительны по силе. Тяжелые облака сдерживают великие армады. Королевские ВВС проводят инвентаризацию. Враг потерял почти 400 самолетов с первой недели августа (по утверждениям англичан, в то время как эти цифры в два раза больше); британская истребительная группа – 213. Но Зануда Даудинг уже начал въедаться в резерв; разбомбленные заводы не могли восполнить потери «Харрикейнов» и «Спитфайеров», составлявших костяк обороны. И погибли или ранены 154 британских летчика, и только 63 новых были обучены. Выжившие ветераны ночных полетов выбиваются из сил.

Крупномасштабные рейды начинаются вновь 24 августа; и с того времени по 6 сентября Кессельринг и Шперрль в среднем в день посылают на Британию 1 000 самолетов. Основной целью является 11-я группа, страж сердца Британии – ее внутренних аэродромов, узлов связи, ангаров, ремонтных мастерских, подразделений сектора. Это – расплата. «Мы вступили, – говорит Геринг, – в решающий период воздушной войны против Англии».

Кенли и Биггин-Хилл, Хорнчерч, Норт-Уилд и Норт-холт – командные пункты секторов, аэродромные стражи Лондона, атакуются вновь, вновь и вновь. Мэнстон с его искореженными зданиями, изрытыми воронками дорогами и полями, усеянными бомбами – замедленного действия или неразорвавшимися, – оставлен. День за днем великие вражеские армады режут над зелеными полями Англии. Высоко в небесах парни Даудинга направляются к врагу, выкрикивают «ату!», когда ловят его в прицел, отжимают рукоятку управления и пикируют с ревом от их пушек. День за днем взрывы бомб сотрясают сельскую местность Англии; день за днем от повреждений изнашивается крепкая оборона.

Молодые люди Англии поднимаются на пламенную борьбу: безногий летчик Дуглас Бэйдер, известный канадцем, которых он ведет, под прозвищем Оловянные Ноги; южноафриканский Моряк Мэлан; компания юношей, чьи имена навечно запечатлены в сердцах всех англичан.

День за днем ночные пилоты – немногие, которым во многом обязаны многие, – забираются в свои самолеты, поднимаются ввысь, чтобы бороться, может быть, умереть и, если останутся в живых, снова бороться. День за днем лейтенанты и капитаны авиации, механики и женская вспомогательная служба ВВС (те молодые женщины в шлемах с такими английскими именами, как Элспет Хендерсон, капрал, Фелисити Хэнбери, младший офицер части) упорно продолжают свою работу, как это обычно делают англичане. Некоторые даже находят время в моменты отдыха в пабах у аэродромов присоединиться к хору и спеть «Танцующую Матильду».

Но для большинства нет передышки. Они летают и воют, приземляются, чтобы заправиться и зарядить оружие, едят у своего самолета, ожидают в беспоконной готовности.

«Эскадрилья два – сорок – два, на вылет! Пятнадцать вражеских самолетов, Норт-Уилд».

Оторвавшись от взлетной полосы – еще крутятся колеса, – командир эскадрильи докладывает: «Отрыв» – и слышит по радио голос оператора на земле: «Курс один девять ноль. Полный газ. Еще тридцать бандитов приближаются к Норт-Уилду».

Далеко над Англией эскадрилья замечает врага – вспышка солнца, еще одна «и, через несколько секунд, – масса маленьких точек».

«Бандиты – около десяти часов».

«Харрикейны» разделяются. Одна часть берет на себя «верхнюю часть» немцев. Шесть самолетов пикируют на рой из шестидесяти «Дорнье». Обе группы разбиваются и превращаются в вихрь отдельных самолетов, ведущих бой. Небо распускается цветом огненных пуль. Внезапно огонь и дым расцветают у крыльев и в кабинах. Пилоты погибают в воздухе. Через

несколько секунд все кончено – завершилась очередная миссия, но еще очень многое впереди...

21 августа истребительная часть несет крупнейшие потери: 39 самолетов сбито, 14 летчиков погибло. Немцы теряют 41 самолет за эти же 24 часа.

Атак так много, что за один день 4 сентября планшет истребительной части «насыщен» рейдами. Завод «Викерс» в Брукленде (Вейбридж) не получает предупреждения и разбомблен; жертвы велики, и сокращается производство «Веллингтонов» – тяжеловесов во флоте бомбардировщиков Королевских ВВС. Завод «Хокер» – источник половины английских «Харрикейнов» – также поврежден. Истребительная часть Королевских ВВС сильно побита. В августе 300 пилотов погибли или получили ранения. Им на смену пришли только 260 летчиков, часть фактически «иссыкает» [13].

«Именно на этой стадии, – говорит Деннис Ричардс, – усилия немцев до крайности напрягли нашу оборону, и Гитлер <...> вновь пришел нам на помощь» [14].

На первых стадиях сражения за Британию, фактически задолго до того, как началось сражение, часть бомбардировщиков Королевских ВВС не бездействовала. Первые британские воздушные атаки на немцев, целью которых был немецкий флот на военно-морских базах Вильгельмсхафен и Брунсбюттель, начались небольшими силами вскоре после вступления Великобритании в войну 4 сентября 1939 года, когда германский вермахт наносил Польше свой смертельный удар.

Британские бомбардировщики 3 декабря по случайности сбросили несколько бомб над островом Гельголанд, но жертв не было.

16 марта 1940 года немецкие самолеты, целью которых был британский флот в Скапа-Флоу, случайно сбрасывают бомбы на соседние острова. Королевские ВВС незамедлительно в знак возмездия проводят ночной налет на немецкую базу гидросамолетов в Хернуме на острове Силт, который несколько неверно описывают в официальной британской истории как «впервые проведенную атаку частью бомбардировщиков на наземную цель» [15].

В начале мая 1940 года девять «Уитли» атакуют «дороги, железнодорожные пути и мосты в четырех немецких городах и возле них на пути врага в Южную Голландию». И, впервые с мая 1940 года, часть дневных бомбардировщиков была направлена на немецкие цели, главным образом на авиационные заводы и коммуникации [16]. 25–26 августа, «в ночь, когда Лондон был преднамеренно атакован немецкими бомбардировщиками», британские летчики атаковали Берлин [17].

Это – первые налеты на обе столицы, и в Берлине моральный эффект, по словам Ширера, «огромный». Военный результат в этих первых рейдах британских ВВС на Берлин был незначителен, однако травмирующее действие – очень велико [18]. Часть бомбардировщиков наносит все новые и новые удары по Берлину и другим немецким целям в последние дни августа и первые – сентября, в то время как люфтваффе до предела усиливает атаки на аэродромы 11-й группы Зануды Даудинга.

4 сентября Гитлер гневается в своей публичной речи: «Британцы сбрасывают свои бомбы без разбора и без плана на жилые кварталы, фермы и деревни.... Три месяца я не отвечал.... Британцы будут знать, что мы сейчас отвечаем все ночи подряд. Если они нападут на наши города, мы сотрем [уничтожим] их города с карты.... Придет час, когда один из нас двоих сломается, и это не будет нацистская Германия» [19].

За день до этого неизвестный британцам Гитлер, все еще нерешительный, обозначил предварительную дату вторжения в Британию – 21 сентября. Но он отложит это решение до 10–11 сентября.

А тремя днями позже люфтваффе прекращает свои нападения на базы секторов и начинает атаки на Лондон. Это не только ответная акция, но и цель вынудить истребительную часть британских ВВС бросить свои истощающиеся ресурсы на защиту города.

Кризис

7 сентября 1940 года начинается испытание Лондона кровью и огнем. Немцы уверены в себе. Разведка люфтваффе считает, что у англичан осталось всего лишь 350 истребителей. У них же в действительности было 650.

День для Британии начинается зловеще. Фоторекогносцировка показывает, что порты, откуда будет начинаться вторжение, заполняются немецкими кораблями; 31 августа в Остенде было 18 барж, 6 сентября их уже 205. Рейд забит баржами и моторными катерами, за последние два дня еще 34 баржи сфотографированы в Дюнкерке, еще 53 в Кале. Пойманы четыре немецких шпиона. Они говорят, что подготовка Гитлера к вторжению почти завершена.

И днем начинается стремительное наступление. Почти 400 бомбардировщиков, которых сопровождают более 600 истребителей, нацелены на Лондон.

Испытывающая сильное давление 11-я группа, еще удерживающая важнейшие районы страны, поднимается на битву; она усилена тремя эскадрильями из 12-й группы, которая прикрывает центральные графства. Ближе к вечеру воздух над Кентом закипит от воздушных боев. На земле многие слышат слабый рев десятков моторов, мерный стук пулеметов «подобный звуку, издаваемому маленьким мальчиком на соседней улице, когда он проводит палкой по железной изгороди», отдаленные разрывы бомб и грохот падающего самолета, уничтожаемого пламенем.

Королевские ВВС наносят поражения, но немцы хитры. Они усилили прикрытие истребителями, и их Me-109 занимают позиции над «Дорниерами» и «Хейнкелями». Враг летит в поднимающемся порядке – «это как смотреть вверх эскалатора в метро Пикадилли-Серкус». Воздушные бои возникают на высоте от 12 до 30 тысяч футов.

Самолеты противника достигли Лондона, город несет потери. «Вулвич покрыт дымом и огнем от взрывов бомб, доки в Уэст-Хэме горят. К ночи небо над Темзой похоже на огненный ад, и вдоль всей Темзы шум горящих пакгаузов смешивается... с серой пылью низких домов».

В 8:07 вечера, когда немецкие ночные бомбардировщики выходят на сцену дневной бойни, главная штаб-квартира сил ополчения передает шифровку: «Кромвель – вторжение неизбежно» [20].

На протяжении долгой ночи, когда немецкие бомбардировщики высоко в небе пересекают ночное небо и Ла-Манш, женщины и мужчины Англии берутся за оружие и выходят на мысы, к меловым утесам и на песчаные огражденные пляжи.

250 нацистских бомбардировщиков продолжают «медленную мучительную процессию над столицей с 8 часов вечера до 4 утра; сбит лишь один из них».

В воскресенье 8 сентября горящий Лондон становится похож на сигнальный маяк. Дым покрывает его похоронной мантией, вздымающейся вверх в безветренное небо, как знамение и монумент. Дневные самолеты – налетчики приходят вновь, но меньшими силами; осажденная крепость ликует, когда противовоздушные пушки калибром 3,7 дюйма открывают огонь и выдергивают с неба три первых в эскадрильи из 15 самолетов «Дорниер-17» к югу от Темзы. Но враг вновь приходит в эту ночь. Ист – Энд несет потери – и вновь доки.

Разрушены железнодорожные станции, а глубоко в подземке царит печальное и сильное смятение.

В понедельник к утру сильно достается службам гражданской обороны. Пожары нельзя предупредить, стены обрушиваются, улицы превратились в развалины, несчетные тела лежат в руинах разрушенных домов.

9-го, 12-го, 13 сентября самолеты прилетают и днем и ночью, но 11-я группа все еще их отбивает. (А 10-го Гитлер, все еще колеблющийся, откладывает сложное решение о начале вторжения до 14 сентября.) Большинство дневных налетов отбито; бомбежка ведется с пере-

рывами и не точно, а к ночи главенствуют наземные пушки, ведущие заградительный огонь, но защита слаба. Даунинг-стрит, и Трафальгар – Сквер, и даже Букингемский дворец повреждены.

Но Англия отвечает. Подразделение бомбардировщиков, Королевский военно-морской флот и британская дальнобойная артиллерия на утесах Дувра усилили свои удары после предупреждения 7 сентября «Кромвель – вторжение неизбежно». Порты, откуда может начаться вторжение, подвергаются бомбежке и обстрелам; британские моторные катера обшаривают Ла-Манш. 12 сентября главное командование морской группы «Запад» докладывает в Берлин: «Задержки, вызванные действиями военно-воздушных сил противника, дальнобойной артиллерии и легких военно-морских сил, впервые подтвердили их большую значимость. Гавани в Остенде, Дюнкерке, Кале и Булони нельзя использовать в качестве ночной якорной стоянки кораблей из-за опасности британских бомбардировок и артиллерийских обстрелов. Подразделения британского флота в настоящее время могут действовать почти безнаказанно в Ла-Манше. Из – за этих трудностей вероятны дальнейшие задержки концентрации флота для вторжения» [21].

14 сентября Гитлер соглашается, что «Морской лев» «еще практически неосуществим»; необходимая степень превосходства в воздухе «не достигнута». Однако фюрер уверен в себе: «Воздушные атаки были очень эффективными и были бы еще более значимыми, была бы хорошая погода».

15 сентября – кульминационный день. Герман Геринг, человек щедрый на кровь, бросает тысячу самолетов на Лондон. Каждый бомбардировщик сопровождают пять истребителей. Формирование произведено скрупулезно, концентрация – тщательно. Британская радиолокационная станция фиксирует группу самолетов далеко над Ла-Маншем. 11-я группа располагает достаточным временем. Канадцы взмывают в небо; ожесточенные поляки взбираются высоко к солнцу; поддержку оказывают эскадрильи 10-й и 11-й групп.

В этот день над всей Англией происходят воздушные схватки. Стучат пулеметы, а в шлемофонах звучат возгласы: «Ату! Враги! Высота двенадцать» или гортанными голосами: «Ахтунг – Шпитфойер!»

День яркий и ясный. В небе на высоте 2 или 3 тысячи футов легкие кучевые облака – там над южными графствами разворачивается сражение.

Истребители – перехватчики врезаются в немецкий строй; строгий порядок эскадрилий разрушается; пушки сверкают огнем; желтоносые «Мессершмитты» с воем бросаются вниз от солнца – это «ужасная свалка», «бедлам машин». И горящая развалина падает с неба от моря до Стэнмора. «Дорниер-17» падает неподалеку от Виктория – Стэйшн. Он стал жертвой сержанта Р.Т. Холмса из 504-й эскадрильи. Но Холмс, когда его «Харрикейн» вошел в штопор, покидает свой немощный самолет и приземляется в Челси на крышу, откуда скатывается в мусорный ящик. Подбитые самолеты падают на зеленые поля Кента, на утесы Дувра, на песчаные пляжи южного побережья.

Искалеченный прусский крест, искореженная свастика, яркая вспышка указывают на место погребального костра многих немецких летчиков. Англичане выигрывают сегодняшнее сражение.

Немцы вновь прилетают ночью и проводят самую мощную за последний месяц атаку. Бомбардировщики четко вырисовываются на фоне полной луны. 181 самолет наказывает Лондон. Сотни мирных жителей погибают [22]. Железнодорожные станции выведены из строя или повреждены; большие пожары светят и мерцают. Но это неразумное разрушение. Большинство летчиков истребительной части отдохнули к ночи и собираются с силами для завоевания дневного воздуха.

15 сентября, «ожесточеннейшее, самое запутанное и самое обширное сражение всей битвы», стало днем славы для парней Зануды Даудинга. Они провозгласили крупнейшую

победу – 185 самолетов врага уничтожено. Немцы согласились на 43, на самом деле потеряв 60. Бомбардировка в военном отношении оказалась неэффективной. Даже геринговское соотношение истребителей и бомбардировщиков как пять к одному не смогло отпугнуть «Харри» и «Спиты».

И теперь у Германа Геринга истекает срок. Лондон почувствовал сталь и силу, но британцы остаются несогбенными. Королевские ВВС продолжают бороться. Близки осенние туманы, короткие зимние дни и высокая водная зыбь в Ла-Манше...

В ту ночь, как и в следующую, британская часть бомбардировщиков действует в полную силу. К 21 сентября около 12,5 процента транспортных судов и барж было затоплено или повреждено в портах Ла-Манша.

На конференции, проводимой Гитлером 17 сентября, наконец, открыто взглянули в лицо фактам. В голове крутится мысль о возможности высадки в октябре. Однако «вражеские военно-воздушные силы совсем не уничтожены; напротив, они проявляют усиливающуюся активность. Погодные условия в целом не позволяют нам ожидать периода затишья. <...> Поэтому фюрер принимает решение отложить проведение операции «Морской лев» на неопределенный срок» [23].

Британский разведывательный самолет подтверждает это решение. К 23 сентября концентрация в Ла-Манше кораблей для вторжения резко сократилась.

Далее наступил спад. Воздушные бои продолжались. 2-й и 3-й воздушные флоты вновь совершали дневные нападения на Лондон и на авиационные заводы в разных районах Южной Англии. 27 сентября был еще одним днем тяжелого боя. Немцы потеряли 55 самолетов, англичане – 28. А 13 сентября средние бомбардировщики противника осуществили свой последний налет на Лондон – в течение октября бремя легло на истребители – бомбардировщики «Мессершмитт». Ночные рейды продолжались, и их хотели продолжать. Жизнь в Лондоне все эти годы войны была сконцентрирована вокруг мощных взрывов, ярких пожаров, разрушенных стен и покалеченных тел.

Рейхсмаршал Герман Геринг сделал все самое худшее, но и этого ему казалось недостаточно.

4 октября Черчилль телеграфировал президенту Рузвельту:

«Джентльмен снял свою одежду и надел купальный костюм, но погода становится холоднее, а в воздухе чувствуется приближение осени».

12 октября стало похоронным звоном для «Морского льва»; немецким силам вторжения было сказано, что операция откладывается «до весны» (1941 года). На передовых рубежах Англии часовые стояли вольно, и побережья, которые не нарушались врагом с дней Гарольда Гастингса, были все еще безопасны.

А к весне 1941 года губительный аппетит к завоеваниям обернул надежды фюрера к дальним горизонтам на Востоке... Англия была спасена.

Ретроспектива

При взгляде в прошлое битва за Британию предстает как одно из решающих сражений Второй мировой войны. Отражение атак германского люфтваффе не давало повода говорить об одержанной победе, тем не менее это была первая проверка Гитлера, первое сражение в истории, в котором воздушная держава сыграла главную роль.

Сражение как выявило, так и породило множество мифов. Один из них заключался в том, что немцы фактически пытались осуществить вторжение, но были отбиты. Эта история основана на обнаружении тел сорока немецких солдат на южном побережье Англии. В действительности же эти солдаты были убиты, когда немцы отрабатывали посадку на корабль и высадку на французском побережье. Британские бомбардировщики или штормовое море потопило их десантные баржи. Как замечает Черчилль в «*Their Finest Hour*» («Их лучший час»), британцы побудили мир по психологическим причинам поверить, что попытка вторжения была отбита.

Другим мифом, порожденным сражением, стало тщательно подпитываемое общественное мнение о безукоризненном характере британских бомбардировок. В действительности же обе стороны хорошо спланировали задолго до войны – а британцы в намного большей степени, чем немцы, – бомбежку городов, промышленных предприятий и коммуникаций противника.

Однако в ходе фактического осуществления бомбардировок возник некий курьез. Как показал майор ВВС США Рэймонд Дж. Фредетт в своем подробном исследовании «*Sky On Fire – The First Battle Of Britain*» («Небо в огне – первая битва за Британию»), немцы взяли свою стратегию ведения воздушных боев из Первой мировой войны, когда ими использовались Цепелины, Готы и Джайнтс, совершавшие налеты на британские города. Задолго до того, как Дуэт, или Тренчард, или Билли Митчелл стали предвестниками победы воздушной державы, немцы наносили удары непосредственно по людям, городским центрам, вспомогательным и промышленным районам и по национальной воле к сопротивлению. Результаты, небольшие по меркам тотальной войны, стали разочарованием для немцев, но остались не забыты англичанами. Воспоминания о бомбежках во время Первой мировой войны, постоянно подкрепляемые массой страшных историй, опубликованных между двумя войнами, вполне определенно оказывали отрицательное действие на британскую политику. Британия предчувствовала массовые бомбовые налеты на Лондон и другие британские города в начале Второй мировой войны. Это привело к запоздалому акценту на создание истребительной группировки. И напротив, способствовало увеличению числа тяжелых бомбардировщиков в Британии. Анахронически нацисты сконцентрировали внимание в предвоенные и в первые военные годы на одномоторных и двухмоторных бомбардировщиках и пикирующих бомбардировщиках, большинство из которых были предназначены для осуществления тактической задачи по поддержке сухопутных сил. Разработчики стратегических бомбардировок во время Первой мировой войны отклонили эту концепцию во Второй мировой войне, но слишком поздно [24]. В первые месяцы войны обе стороны воздерживались от так называемых «стратегических» атак или атак на города. Немцы, однако, использовали свои самолеты против Варшавы (в атаках на «военные цели», как эвфемистически называл их Кессельринг), а также предприняли известный устрашающий налет на Роттердам [25].

Но их первые бомбы на британской земле упали на Оркнис 16 марта 1940 года, когда нацистские бомбардировщики атаковали базу флота местной обороны в Скапа-Флоу. Несколько мирных граждан были убиты на приграничном острове Хой, а британцы в ответ совершили атаки на немецкие базы в Силте и Хернуме. Но намного раньше, в сентябре 1939 года, британские бомбардировщики бомбили военно-морские базы Германии в Брунсбюттеле и Вильгельмсхафене, Силте, Хелиголанде и другие цели. А 10–11 мая 1940 года, пару дней после того, как несколько немецких бомб упало на Кентербери, британские бомбардировщики

начали систематическую атаку, которая не прекращалась до окончания войны, на коммуникации и промышленные предприятия в самой Германии [26].

Спор о том, кто кого бомбил первым, поэтому сравним с поговоркой: «говорил горшку котелок: уж больно ты черен, дружок». Обе стороны постепенно наращивали бомбардировки, сначала по «чисто военным» целям, потом все менее и менее выборочно, а в конце – вполне открыто, по городам. Таким образом, достигшие апогея немецкие атаки на Лондон в сентябре 1940 года можно рассматривать с точки зрения рейха как ответ на более ранние атаки англичан на Берлин. В то же время британцы чувствовали, несколько оправдывая себя, что все средства хороши после Варшавы и Роттердама.

Еще один миф о сражении связан с заявлениями сторон о потерях противника. Британцы заявляли, выдвинув в поддержку аргументы, которые убедили их самих и большую часть нейтрального мира, и вполне искренне верили в то, что они уничтожили намного больше немецких самолетов во время сражения, чем это было на самом деле. По официальным подсчетам Королевских ВВС, немецкие потери с начала сражения за Британию с 10 июля по 31 октября, включая потери при дневных бомбардировках Лондона, составили 2 698 самолетов. В действительности немцы потеряли 1 733 самолета (221 был сбит противозенитным огнем), признав потерю всего 896 самолетов. Еще 643 самолета были повреждены. Немцы заявили об уничтожении 3 058 британских самолетов, фактически сбив 915. Нацисты, как и британцы, верили своей собственной статистике, и думали, что они нанесли британским ВВС значительно больший ущерб, чем было на самом деле.

Сражение за Британию выявило ограниченные возможности воздушных атак. Обе стороны перед войной слишком сильно преувеличивали влияние бомбардировок на промышленное производство и гражданскую мораль; они сильно недооценивали воздушную силу, которая требуется для достижения значительных результатов. Бомбардировщик считался непревзойденным, но сражение показало, что в небе главенствовал истребитель.

Британцы, вероятно, менее, чем немцы, заблуждались в оценке роли истребителей в воздушном бою. Все авиаторы тех дней, включая, в частности, большинство офицеров военно-воздушных сил США, наделяли бомбардировщик всемогуществом и сильно приуменьшали число бомбардировщиков, которое необходимо для того, чтобы произвести хотя бы слабое впечатление на определенную страну.

Сэр Джон Слессор, пионер британской авиации, командующий береговой авиацией Королевских ВВС во время войны, а после войны начальник штаба военно-воздушных сил, написал (в послесловии к книге майора Фредетта):

«Где мы сильно ошибались в 1939 году... так это в сильной недооценке массы взрывчатки и технической эффективности средств доставки, необходимых для достижения решающих результатов, а также почти в такой же недооценке способности гражданского населения выстоять перед атакой, которая существовала до изобретения ядерных зарядов».

Профессор Уильям Р. Эмерсон, работавший в то время в Йельском университете, в своей лекции в Хэрмоне «Операция с прямой наводкой» перед слушателями Военно-воздушной академии США 27 марта 1962 года в сжатой форме суммировал общий недостаток прогнозов. Его замечания были обращены специально к летчикам Соединенных Штатов, но его тщательное исследование глобального развития военно-воздушных сил перед Второй мировой войной отчетливо показало, что его комментарии можно отнести, с немногими вариациями, и к англичанам, и к немцам. Нельзя сказать, что американские командующие воздушными силами ясно понимали характер будущей войны или что они точно оценили предъявляемые требования. В частности, они не смогли полностью понять основное значение превосходства в воздухе... если американские летчики совершили ошибки, то, несомненно, они сделали их меньше, чем летчики какой – либо другой страны... любое характерное предвоенное убеждение <...> военная доктрина была перевернута или полностью изменена под воздействием военного опыта. Ока-

залось, что Германия отнюдь не уязвима при стратегических бомбардировках... Германские военно-воздушные силы не были уничтожены. Они были разбиты в ходе сражения, отчасти в результате действий тяжелых бомбардировщиков, которые вынудили их защищать свою родную землю, частично в результате действий американских дневных бомбардировщиков, которые нанесли удар не только по их материальной базе, как это делают бомбардировщики, но и по другим не менее важным составляющим военно-воздушных сил – по их руководству, их летчикам – ветеранам, их командной структуре, их морали, их надеждам... Во время Второй мировой войны воздушная война, вопреки довоенным убеждениям ее сторонников, стала, не в меньшей степени, чем война на суше и на море, войной на уничтожение. Она не заменила операции обычных вооруженных сил, она дополнила их» [27].

К этому следует добавить, что британское подразделение бомбардировщиков внесло крупнейший вклад в поражение немцев в ходе сражения за Британию, когда осуществляло бомбардировки Берлина, что оказывало прямое влияние на немецкую стратегию бомбежек, а также мощные атаки на немецкие морские порты, откуда планировалось начать вторжение. В результате атак было уничтожено большое количество барж, кораблей и складов.

Вглядываясь в прошлое, можно сказать, что сражение за Британию выиграли британцы, но с помощью немцев.

Планы нацистов оказались ошибочными, ослабленными напыщенным Герингом и колеблющимся Гитлером. Их воздушная сила была неадекватной, перемена целей оказалась фатальной; их было слишком мало, и они слишком запоздали.

Послевоенное утверждение о том, что Королевские ВВС одни спасли Британию от вторжения, не подтверждается при последующем исследовании. Королевские ВВС были решающим фактором, однако такими же факторами было географическое положение Ла-Манша (мощная психологическая, а также физическая преграда для немцев) и присутствие Королевских военно-морских сил. Сам по себе флот вызывал искреннее уважение у немецких адмиралов. Более важным фактором, вероятно, была нерешительность Гитлера и равнодушное отношение немецких военно-морских (в особенности) и сухопутных войск к операции «Морской лев». Гитлер верил, что после Дюнкерка Англия заключит мир на его условиях; он колебался, когда ему нужно было нанести удар. Немецкие наземные службы не так верили Герингу, как рейхсмаршал верил в себя; военно-морские силы с особым почтением относились к мощи британского флота и ширине Ла-Манша. Между службами случались трения, и было плохое планирование; генерал Йодль справедливо заметил после войны, «что наша организация во многом походила на организацию Юлия Цезаря».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.